

Ю.В. Кудрина

БИОГРАФИЯ

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Юлия Викторовна Кудрина

Императрица

Мария Федоровна

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66808293

Императрица Мария Федоровна / Ю.В. Кудрина: Прометей; Москва;

2022

ISBN 978-5-00172-255-7

Аннотация

Книга посвящена жизни и деятельности императрицы Марии Федоровны Романовой, урожденной датской принцессы Дагмар (1847–1928), – супруги императора Александра III, матери последнего русского императора Николая II, имя которой на протяжении более 80 лет в нашей стране было предано забвению. Между тем она была человеком незаурядным. Современники отмечали ее ум и решительность, дипломатические способности и политическую интуицию, и все эти качества сильной личности гармонично сочетались с прелестными манерами, хрупкостью и обаянием очаровательной женщины. Она была безупречной женой и матерью, верным другом и советником как своему мужу, так и сыну, много сделала для совершенствования образования и развития культуры в России. Ее огромная общественная и благотворительная деятельность вызывала уважение и в светских

кругах, и среди творческой интеллигенции, и среди простого народа. Отличительной чертой ее личности было страстное желание послужить благу России, которую она полюбила всей душой сразу и навсегда.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

«Любовь народа есть истинная слава государя...»[1]	5
Часть I	12
Глава первая	12
Датская принцесса Дагмар	12
Наследник российского престола	24
Визит в Данию. Встреча с Дагмар.	33
Помолвка	
Болезнь цесаревича	46
Смерть Никсы	63
Глава вторая	80
Свет новой любви	80
Приезд принцессы Дагмар в Россию	104
Бракосочетание великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмар	120
Глава третья	129
Семейное счастье	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Юлия Кудрина Императрица Мария Федоровна

*Она прожила 81 год. Из них 52 – в России.
Одиннадцать лет она была императрицей,
вдовствовала тридцать четыре года,
На девять лет пережила своего сына,
императора Николая II...*

«Любовь народа есть истинная слава государя...»¹

Вхождение датской принцессы Дагмар в Российский Императорский дом началось с драмы – скоропостижно скончался ее жених (1865) – старший сын Александра II, великий князь Николай Александрович. Ей выпало стать свидетельницей крушения этого Дома и гибели его главы – ее сына Николая II и всей его семьи. Убит большевиками был и ее младший сын Михаил. Ранее умерли два других ее сына: Александр (1870) и Георгий (1899). Тесть – Александр II – скончался на ее глазах в Зимнем дворце в результате по-

¹ Из ученических тетрадей Марии Федоровны. 1865 год.

кушения террористов (1881), один из братьев мужа – Сергей Александрович также стал жертвой террористов (1905). В 1913 году был убит и родной брат Марии Федоровны – принц Вильгельм, греческий король Георг I.

Россия, русская общественность с большой симпатией приняли датскую принцессу. «Ее (Дагмар – Ю.К.) давно ждал, чаял и знал народ, потому что ей предшествовала поэтическая легенда, соединенная с памятью усопшего цесаревича, и день ее въезда был точно поэма, перепетая и воспетая всем народом», – писал член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев.

Проходили годы. Из юной принцессы небольшого европейского государства Дагмар превратилась в российскую императрицу Марию Федоровну, пользовавшуюся большим уважением и любовью своих подданных.

Поэты Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, К.К. Романов посвящали ей свои стихи, композитор П.И. Чайковский – двенадцать своих лучших романсов. В 1898 году композитор М.А. Балакирев создал гимн в честь вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Ее портреты писали лучшие русские художники: И.Н. Крамской, В.Е. и К.Е. Маковские, А.П. Соколов, Н.Е. Сверчков, И.С. Галкин, В. А. Бодров, Н.С. Самокиш и другие. В ее честь были названы пик на Памире (ныне пик Энгельса) и город Новомариинск (ныне Анадырь на Чукотке).

Брак Марии Федоровны и Александра III был на редкость

удачным и счастливым. Мария Федоровна родила шестерых детей: Николая (1868), Александра (1869, умер в младенчестве), Георгия (1871, умер в 1899-м), Ксению (1875), Михаила (1878), Ольгу (1882). Она сопровождала мужа не только на балах и раутах, выездах в театр и на концерты, в поездках по святым местам, на охоте, но и на военных парадах. Сохранились воспоминания современников, рассказывающих о первом в России испытании подводной лодки инженера Джевицкого на Серебряном озере в Гатчине, на котором присутствовала августейшая чета.

Образцовая семейная жизнь императора и императрицы высоко оценивалась современниками. Иван Сергеевич Тургенев, познакомившийся с ними в Париже в 1879 году, писал: «...они образовали супружество примерное и удивительное по согласию и постоянству привязанности».

Накануне отъезда из Дании в Россию юная принцесса написала императору Александру II: «Я прошу Господа, чтобы он всегда был рядом при исполнении моих обязанностей моей новой Родины, которую я уже нежно люблю». С годами жизни в России Мария Федоровна все более усваивала русский дух, привычки и обычаи страны и все более становилась человеком православного мироощущения.

Высокое религиозное чувство, которым Дагмар прониклась на русской земле, стало неотъемлемой сущностью ее натуры, а Россия стала ее второй родиной. «Можно более чем гордиться от сознания, что принадлежишь к такому велико-

му и прекрасному народу», – напишет она много лет спустя в письме сыну Георгию. Она стала русской императрицей не только по титулу, но и душой.

Всю свою жизнь она жила по законам веры в Бога, в Божественный Промысел. «Это все Божья милость, что будущее сокрыто от нас и мы не знаем заранее о будущих ужасных несчастьях и испытаниях; тогда бы мы не смогли бы наслаждаться настоящим и жизнь была бы лишь длительной пыткой», – писала она накануне своего сорокалетия.

С первых дней пребывания в России цесаревна Мария Федоровна интересовалась русской литературой, музыкой, изобразительным искусством. Оба августейших супруга были художественно одаренными людьми, и их любовь к прекрасному укрепила их брачный союз на долгие годы.

Тринадцатилетнее царствование Александра III и императрицы Марии Федоровны оказалось, по мнению современников, чрезвычайно значительным и благотворным периодом в развитии русской культуры. По словам Александра Бенуа, «оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись еще при Александре III, продлился затем в течение всего царствования Николая II». Значительный вклад был сделан императорской четой в развитие музыкальной культуры. За 1881–1893 годы были поставлены восемь опер П.И. Чайковского, среди которых «Чародейка», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта».

Поддержку императора и императрицы ощущали также

художники и писатели. Ф.М. Достоевский каждое свое новое произведение посылал супружеской чете и находил в них благодарных читателей, И.С. Тургенев отмечал в одном из писем: «Я гораздо лучшего мнения о наших правителях и об их уме и чувстве справедливости».

Взяв за образец датский музей исторических ценностей Росенборг, Александр III создал в России Исторический музей, на открытии которого в мае 1883 года присутствовал вместе с Марией Федоровной.

Чистота, благородство, простота были главными чертами императрицы. Эти качества она передала и своим детям. Витте писал, что он никогда не встречал человека более воспитанного, чем Николай II. Военный министр А.Н. Куропаткин отмечал, что младшая дочь императрицы, великая княгиня Ольга Александровна, была необыкновенно добрым и отзывчивым человеком и много сделала хорошего, будучи сестрой милосердия в годы Первой мировой войны. Полковник Б.В. Никитин, руководивший в марте – июне российской контрразведкой и находившийся вместе с великим князем Михаилом Александровичем в рядах Дикой дивизии, говорил, что Михаил Александрович был «добрым гением для тех, кто просил о помощи». Александр Бенуа даже ставил в упрек Марии Федоровне и Александру III то воспитание, которое они дали детям и особенно наследнику, так как «слишком настойчиво учили их быть прежде всего людьми и слишком мало подготовили их к их трудной, сверхчеловеческой

роли».

Заметный след в истории нашего Отечества оставила общественная деятельность императрицы Марии Федоровны, которая в течение всего времени пребывания в России возглавляла Российское Общество Красного Креста, а также различные благотворительные организации и тратила немалые собственные средства на содержание воспитательных домов, приютов и богаделен. В годы Русско-японской и Первой мировой войн под ее началом все женщины Императорского дома принимали участие в организации лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов и мастерских для увечных воинов и т. д.

Годы Первой мировой войны и революции были самым тяжелым периодом в жизни императрицы Марии Федоровны. Отречение сына Николая II от престола вызвало у нее мучительные переживания: «Он принес жертву во имя спасения своей страны... Это единственное, что он мог сделать, и он сделал это!» Видя, какое огромное горе принесла России Гражданская война с ее бесчисленными человеческими жертвами, в дневнике Мария Федоровна напишет: «Только бы остановить эту жуткую гражданскую войну! Она самое большее из всех зол».

В апреле 1919 года во время вынужденного отъезда в эмиграцию она с горечью восклицала: «Сейчас я испытываю тяжелые, но и к тому же еще и горькие чувства из-за того, что мне таким образом приходится уезжать отсюда по вине злых

людей!.. Я прожила здесь 51 год и любила и страну, и народ... Но раз уж Господь допустил такое, мне остается только склониться перед Его волей и постараться со всей кротостью примириться с этим».

Во время эмиграции (1919–1928) Мария Федоровна продолжала оставаться в мыслях со своей покинутой родиной. В письме великому князю Николаю Николаевичу 21 сентября 1924 года императрица высказала свое отрицательное отношение к Манифесту о принятии великим князем Кириллом Владимировичем императорского титула и отождествляла себя с русским народом и церковью православной: «Молю Бога, чтобы Он не прогневался на нас до конца и скоро послал нам спасение путями Ему только известными». Императрица Мария Федоровна умерла 30 сентября (13 октября) 1928 года и была захоронена в Дании.

В начале 2003 года представители семьи Романовых – князья Дмитрий и Николай – обратились к городским властям Санкт-Петербурга с просьбой о перезахоронении праха императрицы Марии Федоровны в Петропавловском соборе рядом с могилой ее супруга императора Александра III. Просьба была поддержана президентом Российской Федерации В.В. Путиным и королевой Дании Маргретой II.

26 сентября 2006 года прах императрицы Марии Федоровны на датском военном корабле «Эсберн Снаре» был торжественно перевезен в Россию.

Часть I

Императрица Мария Федоровна и император Александр Александрович

Глава первая

Датская принцесса Дагмар и цесаревич Николай Александрович

Датская принцесса Дагмар

Дагмар (полное имя Мария София Фредерика Дагмар) была четвертым по старшинству ребенком в семье. Ее отец Кристиан IX, урожденный герцог Шлезвиг-Гольштейн-Сендербург-Глюксбургский вступил на престол в 1853 году после бездетного короля Фредерика VII (1808—1863) и его кронпринца Фердинанда, также не оставившего наследников. Вступлению его на престол предшествовали сложные и долговременные переговоры в обстановке развернувшегося в Дании мощного национал-либерального движения за

включение Шлезвига в состав Датского королевства. Кристиан IX был сторонником сохранения государственной целостности. Он выступал за то, чтобы герцогство и королевство имели равные самостоятельные статусы под единым началом. Под давлением национал-либералов Кристиану IX пришлось отказаться от своей идеи и подписать конституцию, общую для Шлезвига и Датского королевства. Возникшая вскоре датско-прусская война привела к тому, что Кристиан IX лишился статуса правящего герцога Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга, так как эти герцогства перешли под власть Пруссии и затем были присоединены к ней.

Мать Марии Федоровны датская королева Луиза, урожденная принцесса Гессен-Кассельская, племянница короля Кристиана VIII, была высокоодаренной личностью. Она любила музыку и живопись, сама прекрасно играла на фортепьяно и хорошо рисовала. Оставаясь в тени, королева Луиза, интересуясь политикой, влияла на супруга в вопросах выработки позиций и политическим вопросам и поддерживала связи с влиятельными политиками и общественными деятелями Дании и за ее пределами. Большое влияние оказывала она и на своих детей, особенно в выборе ими будущих супругов. В монархических кругах Европы датскую королевскую чету называли «европейскими тестем и тещей». Их старший сын – Фредерик VIII (1843–1912) был женат на шведской принцессе Луизе. Средний сын Вильгельм (1845 – 1913) состоял в браке с великой княгиней Ольгой Констан-

тиновой (1851–1926), двоюродной сестрой Александра III, и был на греческом престоле под именем Георга I, младший сын Вальдемар (1859–1939) женился на французской принцессе Марии Орлеанской (1865–1909).



Датский король Кристиан IX с детьми Дагмарой, Вильгельмом и Александрой

Старшая дочь короля и королевы Александра (1833–1925), как часто называл ее отец, «Красивая» – в 1863 году вышла замуж за принца Уэльского, будущего короля Великобритании Эдуарда VII (1841–1910), и стала королевой Ан-

глии. Младшая Тюра (1853–1933) – «Добрая» – была замужем за герцогом Кумберлендским Эрнстом Августом (1845—1923). Среднюю дочь – Дагмар – король Кристиан IX называл «Умною».



Э. Бауман Принцесса Александра в возрасте двенадцати лет и принцесса Дагмар в возрасте девяти лет

В середине XIX века Копенгаген представлял собой ти-

пичный средневековый город, обнесенный оборонительным валом, с кривыми узкими улочками и переулками.

В конце столетия во время правления Кристиана IX многое изменилось. В результате широко развернутого градостроительства оборонительные укрепления были снесены, и город быстро застраивался по-новому, появились широкие бульвары и скверы.

Так как шесть детей Кристиана IX и Луизы состояли в браке с представителями королевской Европы, Копенгаген часто посещали визитеры из различных европейских стран, родственники королевской четы. Именно в это время город приобрел интернациональные черты, что способствовало укреплению среди датчан чувства самодостаточности, что было важно особенно после присоединения Прусской трети датской территории.



Дети датского короля Кристиана IX (слева направо): принцесса Дагмар Фредерик, Александра, Тюра, Вильгельм



Датские принцессы Александра, Дагмар, Тюра

Принцесса Дагмар родилась 26 ноября 1847 года в Желтом королевском дворце, находящемся недалеко от дворца Амалиенборг. Ее крещение состоялось 7 марта 1848 года в королевской церкви Слоткиркен.

Детство и юность принцессы прошли в прекрасном дворце Бернсторф, расположенном на севере Зеландии. Школьное образование Дагмар и ее сестры – Александра и Тюра получили дома. Обучение велось лучшими педагогами, большое внимание уделялось изучению языков, в первую очередь, французского и английского. Учительница французского языка принцессы Дагмар стала ее подругой на всю жизнь. Дети учились музыке и рисованию. Известный датский композитор Ф. Кулау и датские художники Бунтзен и И.Л. Йенсен были среди преподавателей королевских детей. Королевский дворец посещал также известный датский писатель сказочник Х.К. Андерсен. Дети очень любили его и с удовольствием слушали его сказки и часто занимались вместе с ним вырезанием бумажных клипов, как правило, героев его сказок.



Датская принцесса Дагмар 1864 год

Дети воспитывались в строгости. Мать и отец старались привить им чувство ответственности в делах. День начинался с холодного душа и утренней гимнастики, а позже все принцессы приобщались к конному спорту. Как Дагмар, так и Александра были прекрасными наездницами. Королева Луиза заботилась о том, чтобы дочери обучались рукоделию и знали, как вести домашнее хозяйство. Одевались принцессы очень просто у домашних портных. Дагмар выросла в тихой спокойной атмосфере любви и радости, вне роскоши и чрезмерного богатства.

Ежегодно вся королевская семья вместе с детьми проводила каникулы в Германии в Румпенхайме, находившемся на реке Мейн, недалеко от Франкфурта. Дедушка королевы Луизы, граф Фредерик Гессен-Кассельский оставил Румпенхаймский дворец в наследство своим детям с тем условием, что они будут ежегодно встречаться и проводить каждое лето в Румпенхайме. С тех пор датские принцы и принцессы встречались здесь со своими двоюродными братьями и сестрами в теплой непринужденной обстановке радости и праздника. Эта традиция инспирировала в дальнейшем встречи у королевской четы во Фреденсборге, которые позже стали традиционными.

Три датские принцессы через всю жизнь пронесли неж-

ную любовь друг к другу и сохранили тесные семейные контакты. Но Александра (Аликс, как ее называли в семье) и Дагмар были особенно близки друг другу. Они часто одевались даже в одинаковые платья, подчеркивая тем самым близость друг другу.

Все дети относились к своим родителям с большим уважением, высоко почитали и ценили их. За любовь и то воспитание, которое они получили у себя на родине в Дании. Они каждый раз с огромной радостью посещали родной Фреденсборг, Бернсторф и Амалиенсборг, где жили их родители.

Наследник российского престола

Великий князь Николай Александрович, старший сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадской, родился 8/20 сентября 1843 года. Он унаследовал от своих родителей физическую красоту, благородство, доброту, высокую культуру, был любознательным, остроумным, замечательно рисовал.



Цесаревич Николай Александрович

Наставник цесаревича филолог, историк литературы, академик Я.К. Грот в своих записках дал следующую характеристику великому князю: «Будущий Наследник обещает чрезвычайно много. Наружность у него приятная. В лице его много сходства с отцом и отчасти с дедом (Николаем I

– *Ю.К.*). Черты лица у него правильные и гармонические, глаза голубые с большой живостью, светлые волосы, коротко остриженные. Нрав Николая Александровича веселый, приветливый, кроткий и послушный. Для своих лет он уже довольно много знает, и ум его развит. Способности у него блестящие, понятливость необыкновенная, превосходное изображение и много любознательности».



Цесаревич Николай Александрович в форме гвардейских стрелков 1863–1864 годы

Воспитание в семье было равно строгим как к старшему сыну, которого в семье звали Никса (Никс), так и к его братьям – Александру, Владимиру, Алексею, Сергею и Павлу. Все братья были очень дружны между собой.

Обширная учебная программа великих князей включала в себя различные области науки, культуры, искусства и была очень насыщенной.

Вставали великие князья в шесть часов утра, в семь – готовили уроки. Ровно в девять часов они шли здороваться с родителями и регулярно совершали утреннюю прогулку с Государем. Занятия с педагогами начинались точно в десять часов утра, и первый урок продолжался до одиннадцати часов. Затем с одиннадцати до двенадцати два раза в неделю они занимались верховой ездой, а четыре раза – гимнастикой и танцами. Свободные часы от спорта посвящались занятиям иностранными языками. В вечерние часы от семи до восьми были часами отдыха, когда великие князья отдыхали, читали. Ровно в восемь и до девяти часов они посещали мать – императрицу Марию Александровну, вели с ней беседы на разные темы, в том числе и религиозные, на которых часто присутствовал и отец – император Александр II. Так заканчивался их день.



Император Александр II с сыновьями Алексан-

дром, Алексеем и Владимиром

Особенно дружен был цесаревич с великим князем Александром Александровичем. Для него он был не только брат, но и друг и наставник. Историк В.В. Назаревский писал: «Если старший брат восполнял в младшем познание по тем предметам, каких тот еще не изучал, то, в свою очередь, влиял на брата и Александр Александрович своими меткими практическими суждениями, сдерживающими мечтательные увлечения, а в особенности свою поразительную искренностью, твердостью, прямой и кристальной, как выражался цесаревич, честностью своего характера».

После воцарения на престоле Александра II 19 февраля 1855 года Николай Александрович был провозглашен наследником и цесаревичем; был назначен атаманом всех казачьих войск и канцлером Финляндского университета в Гельсингфорсе и зачислен во все полки гвардии.



Цесаревич Николай Александрович 1864 год

Когда великому князю Николаю Александровичу было семнадцать лет, он упал с лошади и повредил себе позвоночник. Существовала и другая версия внезапной болезни, а затем и смерти цесаревича, последовавшей 21 апреля 1865 года. Во время игры с двоюродными братьями цесаревич ушибся об острый угол мраморной мебели. Ни родители, ни врачи не придали тогда этому факту должного внимания. Цесаревич по-прежнему продолжал вести активный образ жизни здорового человека.

В 1861–1864 годах великий князь Николай Александрович совершил большую поездку по России от Петрозаводска до Крыма. В 1864 году князь впервые выехал за пределы России и так больше никогда живым и не вернулся на родную землю. В поездке цесаревича сопровождала большая свита: попечитель старый граф Г.А. Строганов, адъютант полковника О.Б. Рихтер, поручик П. Козлов, прапорщик князь В.А. Барятинский, профессора М.М. Стасюлевич и Б.Н. Чичерин, врач Н.А. Шестов и секретарь канцелярии Ф. Оом.

Первым пунктом путешествия великого князя был Киссинген, где мать цесаревича императрица Мария Александровна находилась на лечении на водах. Цесаревич был приглашен к герцогу Сакс-Веймарскому, чьей супругой являлась великая княгиня Мария Павловна. Ходили даже слухи о возможности женитьбы цесаревича на одной из дочерей

герцога. Однако сердце великого князя было уже занято Дагмар, чей образ он носил уже в своем сердце.

В то время между Данией и Пруссией шла война, и цесаревич остановился в Схевенингене близ Гааги. Мать нидерландской королевы София – великая княгиня Екатерина Павловна, принцесса Вюртенбергская, была двоюродной сестрой Александру II.

Визит в Данию. Встреча с Дагмар. Помолвка

Летом 1864 года наследник российского престола приехал в Данию. Цель его поездки была познакомиться с датской принцессой Дагмар, которая очень понравилась его отцу Александру II во время его прошлого визита в Данию. При первом же знакомстве Дагмар или, как ее называли в Дании, Минни (маленькая) произвела неотразимое впечатление на молодого князя. Она была чарующим созданием. 24 августа / 5 сентября 1864 года в письме к матери, императрице Марии Александровне, он рассказывал о Дагмар и о том впечатлении, которое она произвела на него. «... Если бы Ты знала, – писал Николай Александрович, – как я счастлив: я влюбился в Дагмар. Не бойся, что эта так скоро, я помню твои советы и не могу решиться скоро. Но как же мне не быть счастливым, когда сердце говорит мне, что я люблю ее, люблю горячо... Как мне описать ее, Она так симпатич-

на, проста, умна, весела и вместе застенчива. Она гораздо лучше портретов, которые мы видели до сих пор. Глаза ее говорят за нее: такие добрые, умные, бойкие глаза».

Цесаревич принял решение сделать предложение датской принцессе. Для получения согласия родителей он тут же отправился в Дармштадт на родину своей матери и императрицы Марии Александровны, где в ту пору в августе 1864 года она находилась со своим мужем императором Александром II. Родители, желавшие этого союза, тотчас дали свое согласие.

Как Дания, так и Россия были заинтересованы в этом брачном союзе. В обеих странах браку придавали и определенное политическое значение. В результате датско-прусской войны, закончившейся для Дании потерей герцогств Шлезвиг, Гольштейна и Лауэнбурга, датское королевство хотело установления дружественных отношений с великой державой, которая могла бы помочь Дании умерить аппетиты Пруссии. Россия же на протяжении многих лет была заинтересована в том, чтобы вход в Балтийское море и выход из него оставались свободными и чтобы проливы Эресунд и Большой и Малый Бельт находились бы под контролем Дании. Поэтому подобный династический брак приветствовался в обеих странах.

В Дармштадте цесаревич провел с родителями несколько дней. Он не мог представить себе, что в последний раз в жизни находится с родными ему людьми, в привычной для

него дворцовой среде. Мысли о здоровье, которые мучили его, исчезли. Он был влюблен и чувствовал себя бодрым и здоровым, но чрезвычайная бледность свидетельствовала об обратном.



А. Хунуэс

Принцесса Дагмар

В эти дни состоялся его разговор с молодым князем В.П. Мещерским, который специально приехал из Англии, чтобы поздравить цесаревича с помолвкой. «Могу сказать, что я предчувствую счастье, сказал цесаревич князю Мещерскому. – Теперь я у берега; Бог даст, отдохну и укреплюсь зимою в Италии; затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа... Пора... Жизнь бродяги надоела... В Схевенингене все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала. С тех пор я живу мечтами будущего... Мне рисуется наша доля и наша общая жизнь труда и совершенствования... В Схевенингене мы пережили дурные дни. Даст Бог, начнем переживать лучшее». Мещерский в ответ признался, что, по его мнению, везде за границей лучше, чем у нас в смысле порядков и людей. На это цесаревич ответил, что, по его мнению, у России вся будущность впереди. «Здесь в Европе лето, а в России – весна с ее неурядицами, но и с ее надеждами, с ее первыми отпрысками пробуждающейся жизни». Мещерский указал на то обстоятельство, что в России нет государственных людей. «Это правда, ответил цесаревич, – но до известной степени, мне кажется, что люди есть, а только их не ищут. Сколько людей, людей и дельных, и интересных нам пришлось видеть в про-

шлом году во время нашего путешествия по России. Я, например, думаю, что если земские учреждения пойдут у нас с толком, то получится отличная школа выработки людей».



Принцесса Дагмар и цесаревич Николай Александрович

1864 год

«Вот дайте мне только жениться, – продолжал цесаревич. – Как бы то ни было, а до сих пор и я жил за китайской стеной. Мы выезжали в свет в эту зиму с Сашею, а много ли толку было, Все сплетни, да сплетни... А когда я женюсь и у меня будет свой дом, китайская стена провалится, и мы будем искать и принимать людей... Некоторые говорят, что людей создает конституционный образ правления. Я об этом не раз думал и ни с кем не разговаривал. По-моему, вряд ли это верно... Посмотрите век Екатерины... Ведь это был век богатейшими людьми, не только у нас, но сравнительно во всей Европе. Возьмите эпоху Николая I. Сколько людей замечательных он вокруг себя создал... Во всяком случае, это доказывает, что образ правления тут ни при чем. Это мое твердое убеждение. И я надеюсь, что никто меня в этом отношении не разубедит. Мне представляется, что неограниченный монарх может гораздо более сделать для блага своего народа, чем ограниченный, потому что в каждой палате гораздо более интересов личных и партийных, чем может их быть в самодержавном государстве».

Находясь в Дармштадте цесаревич в один из дней вновь почувствовал резкую боль в спине. После несчастного случая 1860 года это был уже третий болевой приступ, но на этот

раз боль была уже значительно сильнее, чем прежде. И на этот раз, не смотря на этот сигнал, ни сам цесаревич, ни его родители, ни врачи, окружавшие его, вновь не придали этому факту должного значения. Уже на следующий день после приступа сильнейшей боли он с семи утра до шести часов вечера верхом сопровождал своего отца в Потсдам на военные маневры.

15 сентября 1864 года великий князь Николай Александрович возвратился в Копенгаген. Теплым осенним днем 16 сентября 1864 года в парке дворца Фреденсборг между цесаревичем и Дагмар состоялось объяснение. Датская принцесса, находившаяся во власти необыкновенного обаяния русского князя, согласилась стать его женой.

Старинная королевская резиденция Фреденсборг, хранившая многие тайны датских королевских семей, стала и для Дагмар тем благословенным местом, где Господу было угодно благословить союз этой молодой прекрасной пары. Дагмар не знала тогда, что через два года здесь же, во Фреденсборге, но уже при иных обстоятельствах, она получит другое, второе в своей жизни, предложение о замужестве, но уже от младшего брата Никсы великого князя Александра Александровича.



Принцесса Дагмар цесаревич Николай Александрович в кругу близких родственников принцессы Замок Фреденсборг, 1864

На этот раз цесаревич Николай Александрович провел в Дании две недели. Теперь уже – со своей нареченной невестой. Большую часть времени они находились во Фреденсборге и в Бернсторфе. Замок Фреденсборг, являвшийся главной летней резиденцией датской королевской семьи был живописно расположен на озере Эсрум-Се в Северной Зеландии. Он был построен в стиле французского барокко при короле Фредерике IV в XVII столетии. Вся дворцовая композиция была воздвигнута в 1720—1726 годах по проекту датского архитектора Кригера. Окруженный огромным обширным парком, включавшим в себя прекрасные скульптурные композиции, исполненные при участии знаменитых датских мастеров, он оказывал чарующее впечатление на всех, кто его посещал.

Молодая пара была очень счастлива. Часами Дагмар и Николай бродили по огромному тенистому парку, совершали лодочные прогулки, сидели и долго-долго беседовали в тени вековых буков. Молодой русский князь мило рассказывал датской принцессе о своей далекой родине, которую он очень любил, а Дагмар о своей загадочной стране викингов, их далеких прошлых походах.

Цесаревичу очень хотелось больше рассказать Дагмар о

России, чтобы со временем она могла полюбить ее. 24 сентября 1864 года в очередном письме своему отцу цесаревич писал: «Ближе знакомясь друг с другом, я с каждым днем более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему Отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую Родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить. Всякий любит свое отечество, но мы, русские, любим его по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильны. Я буду счастлив, если передам моей будущей жене эту любовь к России, которая так укоренилась в нашем семействе и которая составляет залог нашего счастья, силы и могущества. Надеюсь, что Dagmar душою предастся нашей вере и нашей церкви; это теперь главный вопрос, и, сколько могу судить, дело пойдет хорошо».

Здесь во Фреденсборге Дагмар и Никса впервые поцеловались. Счастливый молодой князь написал тогда своему отцу: «Dagmar была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко пожали друг другу руки, и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставил».

На одном их оконных стекол дворца Фреденсборг жених и невеста начертали свои имена: Дагмар и Никса.



Принцесса Дагмар и цесаревич Николай Александрович после обручения Почтовая открытка 1864 год

После сватовства Николая Дагмар писала брату Вильгельму: «О, как благодарна я Господу за его милость ко мне; я молюсь теперь только о том, чтобы он ниспослал мне силы и дал возможность сделать его, возлюбленного Никсу, таким счастливым, каким я желаю ему быть от всего сердца, и стать достойной его. Ах, если бы ты только видел и знал его, то мог бы понять, какое блаженство переполняет меня при мысли,

что я могу назвать себя его невестой».

О помолвке было объявлено официально в тот же день. Дагмар получила от цесаревича в подарок жемчужное ожерелье. Королевская чета устроила большой праздничный обед, на котором все пили шампанское и произносили много хороших тостов. Во время обручения произошел довольно курьезный случай, который описал в своих мемуарах граф Шереметев. Командир яхты «Штандарт» Д.З. Головачев, присутствовавший за праздничным столом, обращаясь к королю Кристиану IX, сказал: “Sire, le vin est aigre” (Сир, вино горько! – франц.). «Его не поняли. Тогда он настойчиво повторил: “le vin est aigre” (Вино горько! – франц.) и, несмотря на все знаки цесаревича Николая, не хотел угомониться. Король Кристиан IX уже собирался обидеться, когда ему шепнули, что это коренной русский обычай». Молодые публично поцеловались.

Копенгаген ликовал, всюду зажигались фейерверки. Почетными гостями на празднике был принц Уэльский, будущий английский король Эдуард VII, тогда жених старшей сестры Дагмар Александры. Свадьбу Никсы и Дагмар решено было отложить до возвращения цесаревича в Санкт-Петербург, дня рождения цесаревича – 8 сентября.

Болезнь цесаревича

Полный радостных чувств, цесаревич направился к мате-

ри в Ниццу. Его путь лежал через Южную Германию, Тироль и Италию. 30 октября он прибыл в Венецию, где находился две недели и посетил все музеи и театры, а затем из Милана отправился в Турин, в резиденцию короля Виктора Эммануила, который в честь цесаревича устроил большой праздничный обед. 11 ноября он посетил Геную, а 13 ноября приехал в Ниццу. Это был его первый визит, и он с большим интересом изучает все достопримечательности города. На вилле Вермонт он встретился со своей матерью. Забыв о прежних недомоганиях, он без отдыха 21 ноября на корвете «Витязь» из Вильфранша едет в Ливорно, а на следующий день через Пизу – во Флоренцию. В поезде ему снова становится плохо. Он чувствует резкую боль в спине и, поддерживаемый своими спутниками, с трудом добирается до гостиницы. На другой день, когда боль отступает, он едет в картинную галерею. Но не выдерживает этой поездки и затем шесть недель проводит в постели. В области позвоночника появляется большая опухоль. Врачи ставят диагноз: «Нарыв в спинных мышцах». Сам цесаревич считает, что у него сильный люмбаго. 22 ноября (4 декабря) 1864 года в письме из Флоренции одному из своих воспитателей и учителей Н.П. Литвинову Николай Александрович писал:

«...Наконец я приехал во Флоренцию как нарочно, чтобы снова схватить сильный lumbago, который меня держит взаперти более недели. Несносно, до сих пор почти ничего не видел здесь. Но что всего досаднее, это

то, что мы не можем ехать в Рим, куда меня, да и всех нас, давно тянуло.

Стоит ехать в Италию и не видеть Рима. Вы не удивитесь, если я скажу Вам, что скучаю и с охотой вернулся бы в Россию на зиму. Хочется домой, и это чувство, я думаю, весьма понятно. Мысль так долго оставаться за границей мне просто неприятна. Тянет на родину. Но, даст Бог, вернусь к Вам, и не один, а с будущей женою, которую прошу любить и жаловать.

До свидания, Николай Павлович. Крепко жму Вам руку. Не забывайте любящего Вас.

Николай».

1 января 1865 года, преодолевая недуг, цесаревич едет в Ливорно, а оттуда на корвете «Витязь» – в Ниццу, где останавливается на вилле Дисбах. Боли усиливаются, и великий князь, которого никак не устраивает постельный режим, вынужден совершать свои вояжи и прогулки только в коляске и часто согнувшись. Будучи оптимистом по натуре, он старается казаться веселым. По странному стечению обстоятельств наблюдавшие его врачи, как русские, так и заграничные знаменитости, в первую очередь французские О. Нелатон и А.Ф. Рейер, посланные Наполеоном III, уверяют императрицу Марию Александровну, что у ее сына ревматизм. Другого мнения придерживается попечитель великого князя старый граф С.Г. Строганов: он считает диагноз врачей ошибочным.

Несмотря на внешне легкомысленное отношение к своей

болезни, цесаревич в глубине души уже в те дни понимает всю серьезность своего состояния. Об этом, в частности, свидетельствует разговор, который состоялся между ним и его спутниками во время одной из прогулок в Долине цветов. Опираясь на трость и с трудом преодолевая боль в позвоночнике, цесаревич сказал: «Вы, наверно, удивляетесь, что я сам редко говорю о моей невесте... А ведь вы знаете, как я ее люблю, но это слишком интимные чувства. Малейший разговор о ней может меня задеть...»

28 января 1865 года французские врачи, настаивавшие на диагнозе «ревматизм», прописали цесаревичу паровые бани и лечение на водах в Баньер-де-Люшон. Иного мнения придерживался итальянский профессор Бурчи, считавший причиной заболевания воспаление спинного мозга. Российские врачи Н.А. Шестов и К.К. Гартман приняли диагноз французов – ревматизм и легкий приступ малярии. Эти разногласия в диагнозе между французскими, итальянскими и российскими врачами оказались для больного роковыми.

Заблуждение врачей было настолько велико, что и придворные, и родители наследника были полностью дезориентированы. Врачи не давали императору и императрице никакой точной информации о состоянии больного и продолжали считать, что у цесаревича нет ничего серьезного и через некоторое время он будет абсолютно здоров. Дело дошло даже до того, что в конце февраля один из членов свиты, некий Владимир Скарятин, был отправлен в Копенгаген для

обсуждения с родителями принцессы Дагмар вопроса подготовки свадьбы и прибытия принцессы в Ниццу. Также было принято решение, что она прибудет в Ниццу вместе со своей матерью.

Газета «Русский инвалид» в своем коммюнике по поводу здоровья наследника в эти дни отмечала, что ее императорское величество императрица, встревоженная длительностью ревматических симптомов его императорского высочества великого князя и наследника, теперь совершенно не волнуется, поскольку мнение французских врачей профессоров Рейера и Нелатона подтверждает тот факт, что состояние великого князя не представляет опасности.

13 февраля цесаревич получил из Санкт-Петербурга от своего любимого брата Саши письмо, в котором брат просил простить его за причиненные ему огорчения:

«Милый брат Никса, благодарю тебя очень за твое милое письмо, полученное на той неделе. Прости, что не отвечал тогда же, но я писал Мама...

Потом пост, покаяние, вспоминание всех грехов на исповеди и потом чудная минута причащения. Милый мой друг, при этом случае прошу у тебя от всего сердца прощения, если я когда-нибудь причиню тебе какое-нибудь огорчение. Надеюсь, что мы не имеем ничего дурного друг к другу, и я одного прошу у Бога – это то, чтобы мы всегда оставались в тех отношениях друг к другу, как прежде и в настоящую минуту. Не говорю о том, как я сожалею, что мы должны только мысленно

обняться, а не на деле.

Грустно, очень грустно будет говеть в разлуке с душкой Ма, с тобой, милый мой друг, с маленькими, как вас будет недоставать в нашей милой церкви. Вспомни обо мне, когда будут петь „Ныне силы небесные с нами невидимо служат“. Когда это поют, я готов плакать как ребенок, так на меня действует этот напев. Когда слышишь эту песню, невозможно, чтобы не пришло желание достойно причаститься.

Итак, еще раз прости меня, милый брат, за все. Целую тебя крепко, Мама, сестру и братьев тоже. Непременно буду писать Мама завтра в понедельник по почте.

Твой друг и брат Саша».

Дезориентирована в отношении диагноза цесаревича была и датская королевская семья. Согласно информации, которая поступала в Данию, в частности через письма цесаревича Дагмар и императрицы Марии Александровны королеве Луизе, никто не мог предположить, что состояние здоровья Никсы столь критическое и что он смертельно болен. Об этом свидетельствует письмо королевы Луизы императрице Марии Александровне, направленное ею 26 февраля 1865 года из Фреденсборга. Из него явствует, что король и королева Дании жили в преддверии скорой свадьбы своей дочери. Королева Луиза писала императрице:

«Мое сердце переполнено чувствами, и мои мысли теперь обращаются к Вам, моя дорогая сестра и кузина,

к Вам, кто скоро будет вместо меня рядом с моим дитя. Вы ответили мне такими сердечными и добрыми словами, что я не могла читать без слез Ваше письмо, за которые благодарю Вас от всего сердца. Когда придет время отдавать Вам Вашу дочь за того, кого она полюбит, в семью, которую она должна будет полюбить, только тогда Вы поймете все, что я чувствую сейчас: счастье, смешанное с грустью, которую невозможно вынести при одной мысли, что это ее (Дагмар – Ю.К.) последний праздник at home (дома (англ.) – Ю.К.) на родине, в своей семье, из которой уже двое вылетели, оставив здесь безграничную пустоту. Ваше письмо, написанное сочувственными словами, наложило смягчающий бальзам на кровоточащую рану в моем сердце. Эти слова могут исходить только от матери, я их так хорошо понимаю. Они мне так хорошо знакомы, что я могу лишь благодарить небо за будущее моей дочери.

Позвольте нам так думать, дорогая сестра и кузина, мы столько страдали и столько еще будем страдать, что мысль о предстоящем расставании, когда необходимость разлучит нас с нашим солнечным лучиком, кажется нам невероятной. Минни нас радует своей веселостью, и мое утешение в ее сочувствии и понимании нашей печали; у нее характер более серьезный, чем у ее сестры. Как показало время, к тому же она еще и мой большой друг. Она любит милого Janitcheff (Янышев Иоанн Леонтьевич, протопресвитер, учитель и наставник Дагмар – Ю.К.) сердцем, и я могу

Вам процитировать ее слова о том, что он указал ей путь, который, как она мне вчера сказала, “единственно верный”. Я возблагодарила Бога и хочу, повторяя эти слова, доставить Вам удовольствие. Не бойтесь, что она не сразу и не совсем приспособится к Вашей жизни, позвольте ей сохранить свою натуру и простодушие. Она последует Вашему примеру с любовью и добротой и, прекрасно им ведомая, не останется чужой в Вашей семье, которую она уже любит всем сердцем, а делить власть в семье вещь для нее невозможная, так как ее любовь к России уже пустила корни в ее сердце, таком чистом и горячем. Она учится с яростью, если так позволительно сказать, произносить русские слова, довольно трудные для иностранки, но ее учителя полны надежды, что она вполне преуспеет уже через несколько месяцев.

Будьте так любезны поскорее дать мне знать о планах на будущее, чтобы мы, в свою очередь, смогли бы ответить на Ваши пожелания. Не сомневаюсь, что мы достигнем полного согласия. С тысячью благодарностей за поздравления нашей дочери и с уверениями в высоком уважении от Короля, я прошу Вас считать меня Вашей преданной сестрой и кузиной.

Луиза».

Находившийся в Санкт-Петербурге Александр II до определенного времени доверял диагнозу французских врачей. Он даже собирался поехать в Баден, где намеревался встретиться с цесаревичем. Братья цесаревича, в частности вели-

кий князь Александр Александрович, также были уверены, что болезнь брата не настолько серьезна и что скоро он поправится.

Однако вскоре отношение Александра II к болезни сына резко изменилось, особенно после того, как он прочел отчет итальянского профессора Бурчи и выслушал мнение петербургского врача великого князя доктора Здекауэра, который поделился с императором своими опасениями по поводу болезни наследника, согласившись с точкой зрения итальянского врача.

В марте 1865 года состояние цесаревича резко ухудшилось. Усилились боли в голове и спине. Он переехал на виллу Бермон, подальше от моря, но 13 марта, несмотря на плохое самочувствие, присутствовал на празднике егерей Императорской гвардии, на конкурсе стрельб, где, невзирая на боли в позвоночнике, раздавал призы, сидя в коляске. Пока стояли теплые дни, цесаревич старался держаться и не показывать окружающим свое ухудшающееся состояние. Он был человеком воли и не хотел отягощать своих спутников жалобами и стенаниями. На Масленицу он даже поехал смотреть карнавальную процессию из окон помещения, нанятого на Корсо. Увидевшие его были поражены его худобой, слабостью и бледностью.

В письмах же к отцу цесаревич уверял, что чувствует себя гораздо лучше. Об этом свидетельствуют письма Александра II Марии Александровне от 4, 12 и 18 февраля 1865 года.

Приезд в Петербург в марте 1865 года секретаря цесаревича Оома, его заявление, что цесаревич «тает как свеча», что силы к нему не возвращаются, лечение врачей Нелатона и Рейера совершенно не помогает, а диагноз профессора Бурчи абсолютно не совпадает с мнением французских врачей, заставили императора серьезно задуматься о болезни наследника.

26 февраля 1865 года, в день рождения своего второго сына, великого князя Александра Александровича, Александр II поздравлял супругу с праздником их «дорогого двадцатилетнего мальчика». «Да сохранит нам его Господь, – писал он, – с его столь чистым сердцем и да сделает его достойным его возраста и положения. Как грустно, что мы не можем вместе справить его совершеннолетие сегодня».

В первой половине марта известия из Ниццы о здоровье цесаревича приходили еще сравнительно утешительные. Когда в субботу 27 марта в Ниццу из Петербурга возвратился Федор Оом, Николай Александрович подробно расспрашивал его о том, что происходит в столице и как поживают братья. Оом отвечал, что всех братьев и особенно Александра Александровича огорчает его болезнь, на что цесаревич ответил: «За брата Сашу я не боюсь – это душа чистая и прозрачная, как кристалл». Весть о том, что на Пасху он приедет в Ниццу, страшно обрадовала цесаревича.

Не веря в успокоительные сообщения о состоянии наследника, Александр II принимает решение поехать в Баден, где

намеревается встретиться с супругой и пригласить туда невесту цесаревича, чтобы познакомиться с ней. «Ты поймешь, милый друг, – писал он жене, – в какой степени я счастлив предстоящему скорому свиданию с надеждою провести с тобой день моего рождения. Итак, я желал бы приехать в Баден или в один день с тобою, или на другой день после тебя».

Государь поручил гофмаршалу двора цесаревича Владимиру Скарятину, который должен был через Копенгаген возвратиться из Ниццы в Петербург, переговорить по этому вопросу с датским королем Кристианом IX и королевой Луизой. Скарятин успешно выполнил возложенную на него миссию, и 19 марта 1865 года Александр II писал императрице Марии Александровне: «Сегодня я был обрадован свиданием со Скарятиным, который счастливо, хотя и не без труда, возвратился из Копенгагена с присланным письмом ко мне от Минни, совершенно его очаровавшей. Она пишет мне то же, что написал Скарятин Никсе из Берлина, а именно, что, сообразуясь с моим желанием, родители ее согласны отправить ее к тебе одну, то есть в сопровождении одной дамы и одного кавалера, в Баден, чтобы там провести с нами две недели, и это доставит нам величайшую радость. Она надеется, как и я, увидеть нашего Никсу, лишь бы только врачи этому не воспротивились. Скарятин присовокупляет, что позднее, то есть перед отъездом твоим в Россию, королева желала бы сама привезти ее к тебе, куда бы ты ни пожелала в Германии, и доверить тебе ее окончательно, только не

в Берлине, что совершенно понятно и никогда нам не приходило в голову. Таким образом, мы можем быть вполне довольны результатом поездки Скарятина, потому что это отвечает всему, что мы только можем желать».

31 марта 1865 года великий князь Александр Александрович писал цесаревичу из Петербурга в Ниццу:

«Милый брат Никса! Давно что-то не получал я от тебя писем. Грустно будет завтра причащаться, так нас мало. Ты знаешь, что мы едем с Папá в Баден, где встретимся с душкой Ма, и я надеюсь познакомиться с твоею Минни. Жаль, если ты не сможешь приехать тоже в Баден. Но я все-таки надеюсь тебя увидеть и приехать к тебе, где бы ты ни был. Но я надеюсь, что это произойдет в Бадене! Но прежде всего надо тебе хорошенько подлечиться, чтобы зараз кончить с этой несносной болезнью. Потом будет хуже, если ты теперь не отделаешься от нее. Все, что я теперь желаю, чтобы Бог тебя подкрепил терпением, потому что я очень хорошо понимаю, как тебя тянет к твоей невесте. Но так как это в твоём теперешнем положении невозможно и думать – ехать на север, но я надеюсь, что ты перенесешь эту неприятность с полным терпением.

Теперь позволь мне поздравить тебя с наступающей Пасхой и мысленно поцеловать тебя трижды. Надеюсь, что на будущий год мы проведем этот великий праздник веселее, чем этот год. Поздравляю тоже всех твоих спутников. Прощай, милый душка Никса, обнимаю тебя что есть мочи, и так я надеюсь, что до свиданья, но где

не знаю. Твой брат и друг
Саши».

Однако планам императора и императрицы не суждено было сбыться. «Твоя сегодняшняя телеграмма, – писал император государыне несколько дней спустя, – навела на меня еще большую грусть, потому что я питал надежду повидаться с нашим бедным Никсой в Бадене, а теперь я вижу, что должен отказаться от нее. Я не могу утешиться, и это обстоятельство значительно уменьшает предстоящую мне радость познакомиться с его невестой в его присутствии. Признаюсь тебе в первый раз, что болезненное состояние, которое, судя по твоей последней телеграмме, непрерывно усиливается, начинает серьезно меня беспокоить. Гартман пишет мне, что он всегда был того мнения, что ниццкий воздух не мог быть полезен его расстроенным нервам. В таком случае, почему же он не настоял раньше о переезде его в другое место? Это только убеждает меня лишний раз в том, что медики, когда они сами не знают более, что делать, приписывают климату состояние своего пациента, другими словами, что они в важных случаях только доказывают свою некомпетентность. Ты поймешь, с каким нетерпением я буду ждать, что вы решите о месте его лечения, как и о том, где он проведет время прежде, чем начать его».

29 марта 1865 года в новом письме государыне Александр II сообщал о своем решении направить в Ниццу доктора Здекауэра: «Из твоей сегодняшней телеграммы я усматриваю,

что Никсе лучше, но что он очень слаб. Дай Бог, чтобы эти новые беспокойства не повлияли на твое здоровье и не помешали тебе уехать из Ниццы, как ты на это рассчитываешь. Неизвестность и туманность, признаюсь, тяготят меня».

На другой день императрица сообщила о переезде цесаревича на виллу Бермон. 31 марта из письма Марии Александровны государь узнал о резком ухудшении состояния наследника и в этот же день писал жене: «Твой курьер снова приехал в ту самую минуту, когда мы садились за стол с тремя мальчиками. Известия о Никсе привели меня в отчаяние, и по сообщении их братьям все мы четверо не могли удержаться от рыданий, в особенности Саша. Увы! Я вижу, что сохранил иллюзию о его (Никсы – Ю.К.) положении, надеясь увидеть его в Бадене вместе с невестой. Новый фазис этого болезненного состояния остается для меня необъяснимым, тем более что оба врача говорят о его болезни лишь как о простуде, не придавая ей никакой важности. Между тем я вижу, что состояние это продолжается целую неделю. Это, право, ужасно! Посылая мне отзывы парижских медиков, Строганов прибавляет, что он желал бы увезти его из Ниццы 6 (18) апреля. Надеюсь, что, узнав с тех пор о присылке Здекауера, они не уедут раньше его приезда. Я хотел бы также решить вопрос о времени свадьбы лишь после того, как он выскажет свое мнение, хотя я уже начинаю опасаться, что придется отказаться от наших планов на август месяц. В таком случае я разделяю твое мнение, что нужно будет оста-

вить невесту у ее родителей, хоть и не скрываю от себя всех неудобств такого решения. Впрочем, у нас будет еще время переговорить об этом на словах...»

В Великую пятницу государыня шлет срочную телеграмму мужу с просьбой отправить в Ниццу великого князя Александра Александровича, которого очень хочет видеть цесаревич.

4 апреля после торжественной заутрени в Большой церкви Зимнего дворца государь писал своей супруге: «Поручаю тебе доброго Сашу, который привезет тебе это письмо. У него золотое сердце, и ты можешь сказать ему, что я писал тебе, что был очень доволен им за все это время, и более всего в Страстную неделю, а именно за участие его и преданную дружбу к несчастному больному брату...» Великий князь Александр Александрович выехал из Петербурга в Светлое Христово Воскресенье в десять часов утра.

6 апреля состояние цесаревича резко ухудшилось. Появился жар, больной стал жаловаться на боль в глазах, тошноту, рвоту. Врачи пытались скрыть правду о резком ухудшении его состояния от императрицы Марии Александровны. В Санкт-Петербург императору была отправлена телеграмма, и император принимает решение срочно выехать в Ниццу вместе с доктором Здекауэром и графом Перовским.

Первый день Пасхи принес утешительное известие: цесаревич хорошо спал. Однако на следующий день снова произошло ухудшение состояния больного: ночной приступ

привел к тому, что вся правая сторона на несколько часов потеряла чувствительность.

8 апреля на совете врачей венский профессор Рехберг впервые произнес действительный диагноз: «Meningitis cerebro-spinalis». Позже при вскрытии диагноз подтвердился, но с уточнением «tuberculosis». На современном языке это означало, что у наследника был остеоит позвонков с образованием нарыва. Костный некроз достиг мозговой оболочки и привел к смерти вследствие туберкулезного менингита.

Великий князь Александр Александрович прибыл в Ниццу с доктором Здекауэром и немедленно поехал к больному. Когда они вошли, цесаревича осматривал врач, но он увидел любимого брата в зеркале за ширмой и проговорил: «Саша, Саша! Что ты тут делаешь? Быстро подойди и поцелуй меня».

Следующие дни прошли более или менее спокойно. Цесаревич находился в полудремотном состоянии, но при малейшем шуме просыпался. Ум его был, однако, ясен, память тоже.

Император Александр II со своими младшими сыновьями мчался на другой конец Европы, чтобы успеть застать в живых умирающего сына. В Берлине на вокзале его встретил император Вильгельм, в Париже – император Наполеон, оба они выразили свое глубокое соболезнование. В Дижоне в поезд императора пересели спешившие в Ниццу к одру умирающего датская королева Луиза и невеста цесаревича Дагмар,

а также наследный датский принц Фредерик в сопровождении генерала Оксхольма, графиня де Ревентлов и мадемуазель Д'Эскаль. Вместе с Александром II ехал врач Ф.Я. Карель и другие.

10 апреля в 2 часа дня царский поезд прибыл в Ниццу. Вот как описывал эту сцену историк С.С. Татищев: «Среди встречавших мгновенно воцарилась глубочайшая тишина. Во главе их стояли государевы дети: великие князья Александр, Сергей и Павел и великая княжна Мария. Императрицы не было. Она не имела силы оторваться от болезненного одра возлюбленного сына. Император стоял у окна вагона бледный, взволнованный. При выходе его на площадку ему подали записку от государыни. Вслед за ним вышла принцесса Дагмар, молодое грустное лицо которой – по свидетельству очевидцев – разрывало душу».

Императрица Мария Александровна не отходила от сына. Теперь она уже сама понимала весь трагизм положения. Цесаревича, несмотря на нестерпимые боли, которые он испытывал, по настоянию матери усадили в кресло для принятия Святых Тайн. Священник Прилежаев был поражен необыкновенным поведением умирающего: он был спокоен, мужествен и воспринимал судьбу как... данность. Священник все время повторял: «Этот молодой человек – святой».

Смерть Никсы

10 апреля в 2 часа 30 минут приехал император Александр II, ему сказали, что положение безнадежное. Император и императрица вместе пришли в покои сына, но отец остался за ширмой. Когда мать подошла к сыну, тот вдруг сказал ей: «Бедная Ма, что с тобой будет без твоего Никсы?» Он уже хорошо осознавал ситуацию и свое состояние. Мать, еле сдерживая слезы, сказала сыну, что его ожидает большая радость. Цесаревич понял, что приехал отец. Император вышел из-за ширмы, подбежал к умирающему, опустился на колени и, еле сдерживая слезы, стал целовать несчастному руки.

Через некоторое время в комнату цесаревича вошла принцесса Дагмар. Наследник был в ясном уме и, узнавая всех окружавших его людей, обращаясь к императрице, он сказал: «Какая она прелестная, не правда ли?» Дагмар, несмотря на свой юный возраст, умела владеть собой. Сдерживая постоянно наворачивающиеся на глаза слезы, она молилась про себя, поправляла цесаревичу подушки, гладила и целовала его руки. В какой-то момент, когда оба очень близких и дорогих ему людей – брат Александр и невеста Дагмар – оказались рядом с ним, цесаревич долго и задумчиво держал в одной руке руку невесты, а в другой – брата. Казалось, он о чем-то спокойно мечтал, улыбаясь. Он нежно обнял Александра

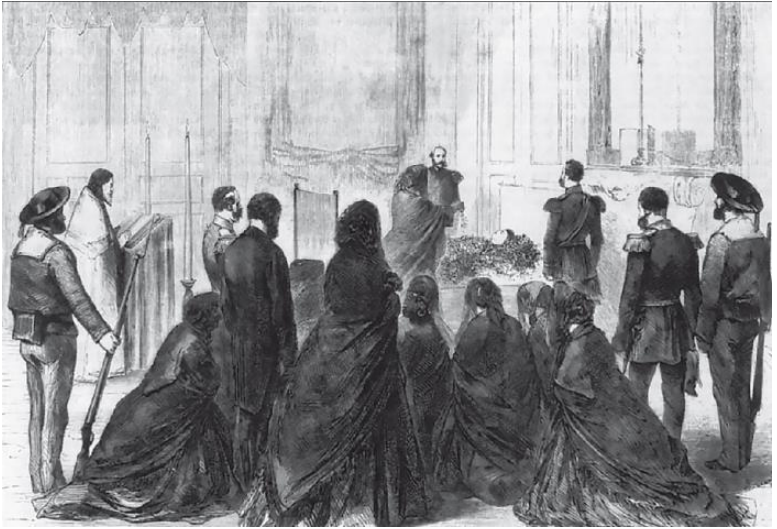
Александровича, посмотрел с кроткой улыбкой на других и сказал: «Прощайте». Потом, обращаясь к государю и указывая на своего любимого Сашу, произнес: «Славный человек, берегите его».

Пятьдесят четыре года спустя, перенеся много горя и несчастий на русской земле, на пути из России в Англию Мария Федоровна 12 апреля 1919 года сделала в своем дневнике следующую запись: «Смерть Никсы 54 года назад. Незабвенный Никса до последнего вздоха держал мою руку в своей руке...»

Прошла суббота, и наступило воскресенье, последний день жизни великого князя Николая Александровича. Последние часы и кончина цесаревича подробно изложены в «Записках» баронессы М.П. Фредерикс (фрейлина императрицы Марии Александровны – Ю.К.), в воспоминаниях Ф. Оома, в дневниках воспитателя цесаревича генерал-лейтенанта Н.П. Литвинова и с их слов изложены С.С. Татищевым в его монографии «Детство и юность великого князя Александра Александровича».

Все члены царской семьи – император и императрица, братья Александр, Владимир, Алексей, Павел – стояли вокруг постели, молились и плакали. Неожиданно для всех Мария Александровна резко поднялась, подошла к великому князю Александру Александровичу, обняла его и, рыдая, сказала: «Бедный Саша». Теперь она окончательно поняла, что великий князь Александр Александрович становится на-

следником престола. За Марией Александровной поднялся с колен Александр II и тоже благословил великого князя Александра Александровича.



Императорская семья у постели умирающего цесаревича Николая Александровича Вилла Бермон, Ницца, апрель 1865 года

Баронесса М.П. Фредерикс в своих воспоминаниях писала: «Минута была до того потрясающая, что священник и мы, все присутствующие, рыдали, не имея силы удержаться». Цесаревич еще раз поцеловал Дагмар и что-то ей тихо сказал. После того как причастие закончилось, все при-

сутствующие вышли из комнаты. Остались только император и императрица, великий князь Александр Александрович и Дагмар. Цесаревич Николай Александрович ненадолго заснул, но вскоре начал бредить. Когда император Александр Николаевич вновь подошел к сыну, он пришел в себя, с нежностью протянул к отцу руки и как бы успокоился. Доктора стали настаивать, чтобы больного оставили одного в надежде, что он уснет. Все родные вышли в соседние комнаты, где бедная мать уже не могла сдерживать рыдания.

Приехавший из Вены доктор Опольцер, как и Карель, диагноз Здекауэра подтвердил, но помочь больному врачи были уже бессильны. 11 апреля в 11 часов вечера началась агония. Вся царская семья вошла к умирающему. Все опустились на колени и стали неистово молиться. Дыхание цесаревича стало затрудненным, но неожиданно он внятно и довольно громко произнес те же слова, что когда-то слышал от умирающего деда. Это были всего два слова: «Стоп машина». Эти слова были его последними словами. Теперь он лежал в забытьи. «Три раза, – пишет С.С. Татищев, – начинало духовенство чтение отходной, но дважды прерывало его, потому что в первый раз умирающий совершил над собою крестное знамение, а во второй раз в глазах его заметили слезы».

В понедельник 12 апреля в 10 минут первого часа ночи цесаревич тихо скончался. «Что произошло тогда с родителями, семейством и невестой, – писала в своих мемуарах баро-

несса Фредерикс, – невозможно ни описать, ни рассказать».

С помощью сыновей Александр II сам положил тело цесаревича в гроб, который стоял в опочивальне. Комната была заполнена цветами, которые так любил юный цесаревич. Позже, когда тело покойного будет предано земле в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге, рядом с надгробием будет расти в кадке большая пальма, привезенная из Ниццы, а рядом с ней будет стоять маленький букет фиалок, который каждый год посылал из Ниццы близкий друг императорской семьи поэт Петр Вяземский, посвятивший ушедшему цесаревичу стихи «Был вечер, у берега морского...».

ДЕПЕША,

ПОЛУЧЕННАЯ ОТЪ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ 12 сего апрѣля, въ 12¹/₂ часовъ утра.

Ницца, 12 Апр., 2 ч. утра. Воля Всевышняго совершилась. Онъ призвалъ къ Себѣ нашего ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА сего числа, въ 12 часовъ и 50 мин. ночи. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и ГОСУДАРЬНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ умиленіемъ и покорностію переносятъ постигшую ихъ скорбь-и преклоняются предъ неисповѣдимыми опредѣленіями промысла Божія.

Подписаль, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, Генераль-Адъютантъ Графъ Адлербергъ 2.

12 апрѣля 1865 года.

Депеша министра внутренних дел от 12 апреля 1865 года, в которой сообщается о смерти цесаревича Николая Александровича

12 апреля 1865 года Ницца погрузилась в глубокий траур. У виллы Вермонт в парке стоял траурный почетный караул – пятьдесят стрелков французской императорской армии, кавалерийский эскадрон из Марселя и русские матросы из Вильфранша. Все вокруг было в траурных лентах; сабли офицеров были покрыты черным крепом. На всех общественных зданиях были приспущены флаги. Корабли, сто-

явшие на рейде Ниццы и Вильфранша, также в знак траура приспустили флаги.

Вечером 16 апреля тело покойного цесаревича при свете факелов и свечей было торжественно перенесено на улицу Лоншан, где несколько лет назад императрица Александра Федоровна (супруга Николая I, бабушка покойного) построила маленькую Русскую церковь. Гроб из покоев Николая Александровича до колесницы несли сам государь, его сыновья, генерал-адъютант и члены царской свиты. Похоронная колесница был запряжена восемью вороными лошадьми. Конная жандармерия по обеим сторонам колесницы вместе с пешими егерями французской императорской гвардии сопровождала колесницу, а рядом шагали шеренги гвардейских казаков.

Всюду раздавалась траурная музыка. Музыканты самых различных подразделений, в том числе первого батальона 3-го пехотного полка, двух десантных рот французской морской пехоты, батареи морских гаубиц, батальона пеших егерей французской императорской гвардии, корпуса пожарных составляли траурный оркестр, который звучал особенно торжественно и скорбно. На бархатных подушечках несли ордена и награды юного цесаревича. В длинной траурной процессии шествовали певчие и духовенство, среди которых был духовник великого князя священник Прилежаев.

За шеренгами гвардейских казаков вместе с пешими егерями французской императорской гвардии шел сам импе-

ратор Александр II, а за ним шесть его адъютантов. Далее следовали братья покойного – великие князья Александр, Владимир и Алексей, затем герцог Николай Лейхтенбергский, герцог Георгий Мекленбургский и принц Александр Гессен-Дармштадтский, представители иностранных государств, личная свита покойного великого князя и их императорских величеств.

Убитая горем мать ехала в специальной коляске вместе со своими младшими детьми: Сергеем, Павлом и Марией. Далее следовали коляски придворных дам из свиты императрицы, затем различных российских сановников, гражданских и политических высших должностных лиц, членов русской колонии в Ницце. Замыкало процессию подразделение русских моряков.

Под залпы французских батарей и траурные марши военных оркестров государь император с сыновьями внесли гроб в Русскую церковь, но она была так мала, что могла вместить только членов императорской семьи и нескольких приближенных.

Началась заупокойная служба. После ее окончания наступила минута прощания. Император, стараясь сохранять спокойствие, целует покойного сына в лоб, затем целует его руку. Прощается с любимым братом и великий князь Александр. Он тоже целует брата, но нервы его не выдерживают, и он с рыданиями бросается к отцу. Оба плачут.

Наступает очередь Дагмар. Бледная как полотно, она под-

ходит к своему бывшему жениху. Все напряжены. Кажется, что она вот-вот упадет. Но огромным усилием воли она удерживается на ногах и, поцеловав своего любимого Никсу, возвращается к матери.

16 и 17 апреля гроб с телом цесаревича выставлен в церкви для прощания. Служат по две панихиды в день.

17 апреля после утренней панихиды зачитывается императорский манифест, в котором объявляется, что отныне великого князя Александра Александровича следует величать великим князем и наследником. Несколько дней спустя Александр Александрович записал в дневнике:

«Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда не забуду этот день в Ницце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали и только слышались со всех сторон рыдания, и рыдания неподдельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слез; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого. Мать больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга. И что всего ужаснее – это его наследство, которое он мне передал; я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга.

Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое мое назначение. Может, я часто забывал в глазах

других мое назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжелая и трудная обязанность. Но „Да будет Воля твоя, Боже“, эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают и поддерживают всегда, потому что все, что и случится, все это Воля Божия, и потому я спокоен и уповаю на Господа!»

Каждый год на протяжении всей жизни в апрельские дни, где бы ни находились Александр Александрович и Мария Федоровна, они предавались печальным воспоминаниям и снова переживали вместе те скорбные дни в Ницце.

В 3 часа дня 18 апреля 1866 года величественная траурная процессия направилась в порт в Вильфранш, откуда военный фрегат «Александр Невский» должен был доставить гроб с телом великого князя Николая Александровича в Санкт-Петербург. Звучат последние орудийные залпы крепостных батарей, отдавая честь покойному.

В те дни многие из присутствующих вспоминали эпизод, имевший место 27–28 января 1865 года, когда на завтрак к больному цесаревичу пришли его спутники. Они застали великого князя молча стоявшим у окна с отсутствующим видом. Как бы очнувшись от сна, он произнес тогда роковые слова: «Мне казалось, что я нахожусь на “Александр Невском” и что он везет меня в дальнейшее путешествие».

18 апреля «Александр Невский» под командованием контр-адмирала Лесовского под эскортом французских во-

енных кораблей взял курс на Санкт-Петербург. Плавание длилось пять недель, и в течение всего этого времени неустанно служили панихиду за упокой души великого князя.

В этот же день Ниццу покинули император Александр II и императрица Мария Александровна.

Датская королева Луиза и ее дочь принцесса Дагмар уехали 18 апреля. Их особое и непредвиденное этикетом положение не позволяло им оставаться дольше. Накануне отъезда Дагмар написала своему отцу королю Кристиану IX письмо, в котором делилась с ним своими горестными мыслями и переживаниями. Она писала:

«...Я не могу, однако, не благодарить Бога за то, что застала его, мое дорогое сокровище, еще в живых и была узнана им в последнюю минуту. Ты не можешь поверить, дорогой Папá, как я благодарна за это Господу Богу. Никогда-никогда я не смогу забыть взгляд, которым он посмотрел на меня, когда я приблизилась к нему. Нет, никогда!!! Бедные Император и Императрица, они так были внимательны ко мне в моем, а также в своем горе; и его бедные братья, особенно старший – Саша, который любил его так возвышенно и не только как брата, но и как своего единственного и лучшего друга. Для него, бедняги, очень тяжело, что теперь он должен занять место своего любимого брата, для него это просто ужасно!!!

...Милый Папá твое дорогое трогательное письмо

было для меня большим утешением, особенно после того, как я поняла, что ты сумел подготовить себя к этому трагическому событию; я же совсем не была к нему готова, и сообщение о нем явилось для меня полной неожиданностью.

Мой ангел Папá, я не могу не сказать тебе, как рада я буду вновь увидеть тебя, но я боюсь момента встречи, когда я увижу, как ты несчастен, а ты – как несчастная!!!

Позволь мне от чистого сердца поблагодарить тебя за то, что сделал дорогой Фреди (принц Фредерик, брат Дагмар – Ю.К.), поехавший со мной. Каким утешением он был для меня все это время. Я не говорю уже о моей дорогой, любимой Мама, которая была всем для меня в моем горе. Никогда в моей жизни я не смогу сделать для нее то, что она сделала для меня. Теперь, однако, я должна остановиться и попрощаться с моим дорогим Папá, чтобы не отягощать его больше моим присутствием.

Огромное горе постигло меня, я ужасно нервничаю, но я возьму себя в руки, так как у тебя помимо всего много других забот, дорогой Папá.

До свиданья. Я обнимаю тебя мысленно и остаюсь твоей несчастной Минни. Привет дяде Хансу (брат Кристиана IX – Ю.К.)».

Перед объездом император и императрица пожертвовали крупные суммы благотворительным организациям Ниццы и Вильфранша. Убитая горем мать, превратившаяся в тень,

еле держалась на ногах, а поэтому было решено не ехать сразу в Россию, а направиться на родину императрицы в Дармштадт, чтобы провести месяц в Юпенхеймском замке. По просьбе императора и императрицы туда к ним из Дании вскоре приехала и несчастная Дагмар. Императорская чета покинула Дармштадт только 2 мая. Вскоре они были уже в Царском Селе.

Тем временем фрегат «Александр Невский» шел прямым ходом в Россию, везя на своем борту тело усопшего цесаревича. До Гибралтара шли спокойно, стояла прекрасная солнечная погода. Но после Гибралтара погода резко изменилась, сильнейший западный ветер принес шторм, и у команды возникли серьезные опасения, не случится ли что-либо с фрегатом. Наконец достигли Лиссабона. Был прилив, и кораблю удалось без проблем войти в тихие воды Тахо. От Лиссабона до пролива Зунд фрегат шел спокойно, зайдя лишь в Плимут.

Когда «Александр Невский» прибыл на рейд Плимута, английские фрегаты встретили его двадцатью одним пушечным выстрелом. Священники Русской церкви в Лондоне отслужили на борту фрегата панихиду. Выходя из залива, «Александр Невский» попал в такой густой туман, что возникла даже опасность столкновения с другими морскими судами. Через сутки, когда туман рассеялся, стало ясно, что фрегат отнесло в сторону датского пролива Скагеракк, снова к тем берегам, где цесаревич Николай Александрович впер-

вые встретился с датской принцессой и где он был счастлив своей первой юношеской любовью. Покойный цесаревич как бы вновь хотел сойти на датскую землю и встретиться с Дагмар. Когда подошедший к датским берегам фрегат находился еще в проливе, король и королева Дании поднялись на его борт.

21 мая «Александр Невский» вошел в Кронштадтский порт. Погода снова испортилась, словно сама природа оплакивала юного князя и протестовала против его преждевременной кончины. Николая Александровича встречала вся императорская семья. На борту яхты «Стрельна» находились российский император и его сыновья, а также датский принц Фредерик (будущий король Дании Фредерик VIII). Фрегат не смог сразу пришвартоваться, так как разразилась настоящая буря, и только когда море утихло, смог бросить якорь на кронштадтском рейде. Государь поднялся на борт. Была отслужена панихида. В хоре пели исключительно матросы. Похороны должны были состояться 6 июня. Все оставшееся до похорон время при гробе стояли в почетном карауле офицеры фрегата и весь эскорт. На карауле вместе с казаками, дежурившими у гроба, выстроились дворцовые гренадеры.

В те июньские дни в Петербурге стояли прекрасные белые ночи, и толпы людей отовсюду шли проститься с юным наследником престола, с тем, кто мог бы составить славу истории России. Из Санкт-Петербурга постоянно прибывала бесконечная вереница пароходов, шлюпок, яхт и лодок. Приез-

жали люди самых разных сословий и общественного положения. Было много священников и монахов как из столицы, так и из разных далеких городов, было много паломников, военных. Богослужения шли не переставая.

6 июня утром в присутствии императора гроб торжественно был перенесен на яхту «Александрия» и установлен под богато украшенным балдахином. Нескончаемая похоронная процессия протянулась от Английской набережной до Зимнего дворца. Рядом с гробом стояли те, кто с такими трудностями по морю сопровождал и доставил покойного из Ниццы в Санкт-Петербург. Город был погружен в глубокий траур, почти у каждого человека в окружавшей толпе на руке был повязан черный креп, люди плакали и искренне сочувствовали императорской семье.

Яхта «Александрия», пройдя вверх по течению Невы, остановилась у ворот Петропавловского собора. Здесь состоялось последнее заупокойное богослужение. Во второй половине дня похороны закончились.

Трагедия юного цесаревича и его датской невесты со временем сложилась в красивую легенду, которая передавалась из уст в уста.



Принцесса Дагмар в траурном платье по жениху –

цесаревичу Николаю Александровичу Октябрь 1865 года

Много лет спустя, весной 1892 года, император Александр III в письме Марии Федоровне вспоминал: «Мои мысли все время рядом с тобой, а в воскресенье в крепости (Петропавловской – Ю.К.) мои молитвы соединяются с твоими, когда ты будешь у могилы нашего Незабвенного Никсы! Когда думаешь, что с этого страшного, ужасного дня прошло уже 27 лет, в это трудно поверить, правда. Эти ужасные и печальные часы 27 лет тому назад в Ницце! Боже, сколько времени прошло, а воспоминания столь же свежи и грусть все та же. Что за перемена произошла во всей моей жизни и какая страшная ответственность разом свалилась на мои плечи, и вместе с тем решилась дальнейшая моя судьба и счастье всей моей семейной жизни».

Глава вторая

Датская принцесса Дагмар и великий князь Александр Александрович

Свет новой любви

После смерти Николая Александровича Дагмар вернулась в Данию, но очень скоро датская королевская чета получила от российских императора и императрицы письмо, в котором они приглашали Дагмар в Россию.

Желание взять в жены невесту брата – датскую принцессу Дагмар возникло у Александра вскоре после ухода Никсы из жизни. «С тех пор, что я в Петергофе, я больше думаю о Dagmar, молю Бога каждый день, чтобы он устроил это дело, которое будет счастьем на всю мою жизнь. Я чувствую потребность все больше и больше иметь жену, любить ее и быть ею любимым. Хотелось бы скорее устроить это дело, и я не унываю и уповаю на Бога. До сих пор нет никаких известий из Дании после возвращения Freddy (принц датский Фредерик – Ю.К.). Мама; писала Королеве об ее желании, если можно, приехать сюда с Dagmar, но я боюсь, что королева не согласится».

Вскоре, однако, из Дании пришел ответ. 30 мая 1865 года

цесаревич записал в своем дневнике: «В ¼ 11 пошел к Мама. Папа; читал письмо от Королевы Датской, которая пишет, что она теперь не хотела бы прислать к нам Dagmar, потому что ей нужен теперь покой и она должна купаться в море, что зимой будет продолжать заниматься русским языком и, может быть, Законом Божиим. Папа объясняет то, что Королева не желает прислать Dagmar теперь, потому что Королева боится, чтобы не подумали, что она непременно желает выдать свою дочь скорее, чтобы не показать вид, как будто бы боится потерять случай. Кажется, сама Dagmar желает выйти замуж за меня. Что же касается меня, то я только об этом и думаю и молю Бога, чтобы он устроил это дело и благословил бы его».

Александр Александрович мало походил на своего старшего брата. Николай был улыбчив, высок, строен, образован; Александр – огромен, немного неуклюж, очень наивен, однако поражал всех своей богатырской силой и невероятным обаянием. Граф С.Д. Шереметев, историк, летописец своей эпохи, в 1868–1880 годах служивший у цесаревича Александра Александровича, а с 1881 года у императора Александра III флигель-адъютантом, в своих мемуарах отмечал: «Он (Александр III – Ю.К.) был силы необыкновенной, мог плюнуть серебряную мелкую монету в трубку и перекинуть мяч из Аничкова сада через крышу дворца. Однажды кто-то проезжал на конке мимо Аничкова дворца и видел, как он выворачивал в саду снежные глыбы. “Ишь силища-то

какая!» – с уважением сказал сидевший там мужичок».

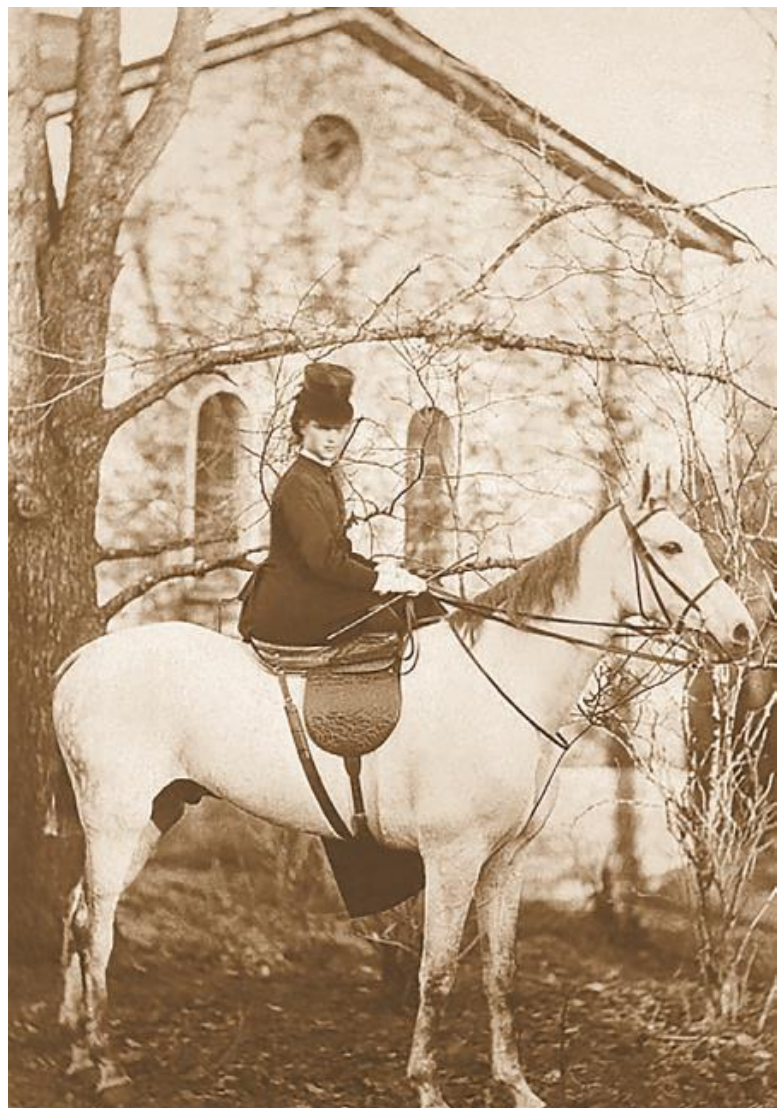


Великий князь Александр Александрович 1865 год

Старший брат высоко ценил душевные качества Александра – честность, прямоту, откровенность, доброжелательность к людям и часто повторял, что у него «хрустальная душа». Известный дипломат, публицист и историк С.С. Татищев, написавший монографию, посвященную детству и юности великого князя Александра Александровича, отмечал: «По свойствам своего ума и нраву Александр Александрович представлял полную противоположность старшему брату. По отзыву Грота (преподаватель великих князей – Ю.К.), в нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения. Зато он обладал светлым и ясным здравым смыслом, составляющим особенность русского человека, и замечательной сообразительностью, которую сам он называл „смекалкою“. Учение давалось ему, особенно на первых порах, нелегко и требовало серьезных с его стороны усилий. Но эти слабые стороны с избытком вознаграждались другими его духовными свойствами, которыми не обладал старший брат. Александр Александрович отличался в классе внимательностью, прилежанием и усидчивостью. Он любил учиться, на уроках допытывался, что называется, до корня вопроса и всякое знание усваивал хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно. Труднее всего давалась ему теория языков; любимым же занятием его было чтение, преимущественно исторических рассказов и путешествий».

Великий князь Александр Александрович очень любил музыку и живопись, чему немало способствовала его мать императрица Мария Александровна.

В начале лета 1866 года великий князь Александр Александрович получил от датских короля и королевы приглашение посетить Данию. На семейном совете было решено, что цесаревич должен принять предложение и отправиться в Датское королевство. 2 июня на борту императорской яхты «Штандарт» великий князь Александр Александрович прибыл в Данию, во дворец Фреденсборг, где его ждали Дагмар и вся датская королевская семья.



Принцесса Дагмар 1866 год

По распоряжению короля Кристиана IX цесаревича поселили в тех же комнатах, где прежде жил его старший брат, великий князь Николай Александрович, так рано ушедший из жизни.

Прием в Дании был очень сердечным, Александр, всегда интересовавшийся историей, вместе с Дагмар объездил самые интересные исторические места. Они посетили Бернсторф – дворец, где прошло детство Дагмар, замки Росенборг и Фредериксберг, в которых были собраны знаменитые исторические реликвии за много веков, посетили и Эльсинор, где находился замок Гамлета, изучили сокровища Кристианборга. Дагмар рассказывала цесаревичу обо всех датских королях – от Фредерика I и Кристиана I до Фредерика VII и Кристиана VIII, о их походах, о скандинавских сагах и легендах.

Великий князь и датская принцесса много говорили о рано ушедшем из жизни великом князе Николае Александровиче. Они оба очень любили его, преклонялись перед его умом и талантами. Для Александра Александровича он был не только братом, но и большим другом, и наставником. И позже они буквально каждый день возвращались к памяти умершего Никсы. Много лет спустя они также постоянно, особенно в дни его рождения и смерти, вспоминали его, о чем свидетельствует их переписка, а также дневники импе-

растрицы Марии Федоровны, дошедшие до нас.

Находясь в Дании, цесаревич Александр Александрович окончательно понял, что Дагмар именно та, которая должна стать его женой на многие годы. Во Фреденсборге он записал в своем дневнике: «Я уверен, что я буду счастлив с милой Дагмар и что Бог благословит наш брак». Он вспоминал, как умирающий брат Никса скрестил его руку и руку Дагмар, и в этом великий князь Александр Александрович, как и Дагмар, увидел знак их судьбы.

В один из теплых июньских дней, когда русский князь и датская принцесса сидели в уютной гостиной дворца Фреденсборг, цесаревич попросил Дагмар стать его женой. Дневниковые записи великого князя дают подробную картину этой встречи и передают то волнение, которое охватило тогда его и Дагмар: «Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала мне вещи Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями. Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы начать с Минни разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и говорю ей: говорил ли с Вами король о моем предложении и о моем разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? И тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке.

Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она ответила, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье, говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».



Цесаревич Александр Александрович и принцесса Дагмар
Почтовая открытка 1866 год

Александр Александрович в этот же день отправил в Петербург на имя императора Александра II зашифрованную телеграмму.

леграмму: «Поздравьте и помолитесь за меня; сегодня утром мы с нею объяснились, и я счастлив...»

Король и королева, узнав, что предложение цесаревича принято, поздравили молодых, и в тот же день было официально объявлено о их помолвке. Император Александр II и императрица Мария Александровна тут же телеграфировали из Петербурга: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».



Цесаревич Александр Александрович и принцесса Дагмар 1866 год

В ответном письме император Александр II писал королю Кристиану IX: «Мой дорогой Кристиан. Мы были счастливы видеть, что наш милый Саша искренне привязан к нашей дорогой Минни. Пусть Бог укрепит их любовь...»

На одном из оконных стекол дворца Фреденсборг появилась новая надпись. Теперь уже: «Минни и Саша».

Много лет спустя, находясь в 1877–1879 годах на русско-турецком фронте, цесаревич, вспоминая тот июньский день в Фреденсборге, написал своей супруге: «Обнимаю тебя, моя душка Минни, и благодарю Господа всею душою за то счастье, которое он послал в эти одиннадцать лет. Вспоминаю с радостью тот счастливый день 11-го июня в милом Фреденсборге, который решил нашу судьбу!»



Цесаревич Александр Александрович и принцесса Дагмар 1866 год

Вскоре после отъезда великого князя Александра Александровича в Россию королева Луиза направила императрице Марии Александровне письмо, в котором говорилось: «Я полагаюсь на Бога, который сделал так, что Минни ожидает счастливое будущее. Мне кажется, Бог благословляет этот союз, заключенный перед Любимым Образом, и его дух благословляет их. Несомненно также и то, что Он (Никса – Ю.К.) был рядом с родными сердцами. Я не могу найти слов, чтобы описать, как невыразимо нежно и чутко он (великий князь Александр Александрович – Ю.К.) себя вел, как мягкая деликатность и чуткость проявлялись все время в его поступках, как нам понравился его прямодушный, открытый характер. Вообще всех нас друг с другом объединило несчастье, и память о нем скрепила эту связь. Это является самым лучшим благословением для юной супружеской пары. Я очень люблю Сашу, но Никса, который ушел от нас, был, прежде всего, моим любимцем! Ему хорошо, ибо он “*etait*”² для этого мира».

Вернувшись в Россию, Александр Александрович уговаривал родителей ускорить свадьбу, не откладывая, как первоначально планировалось, на год. Он был по-настоящему влюблен и с нетерпением ждал писем из Дании. «Меня так

² Существовал, состоялся (фр.).

и тянет туда», – записал он в те дни в дневнике.

Цесаревич написал Дагмар письмо, в которое вложил всю свою нежность и всю силу своей любви к бывшей невесте покойного брата. В начале июля 1866 года пришел ответ от Дагмар: «Мой милый душка Саша! Я даже не могу тебе описать, с каким нетерпением я ждала твое первое письмо и как была рада, когда вечером получила его. Я благодарю тебя от всего сердца и посылаю тебе поцелуй за каждое маленькое нежное слово, так тронувшее меня. Я ужасно грустна оттого, что разлучена с моим милым, и оттого, что я не могу разговаривать с ним и обнимать его. Единственное утешение, которое еще теперь остается, это письма. Мы находились здесь со вторника, и ты понимаешь, как мне все напоминает о том дне, когда мы здесь были вместе, и главное – тот тягостный момент, когда я тебе показала это место в саду, с которым у меня связано столько дорогих воспоминаний, которые теперь мне кажутся просто сном. Часто я спрашиваю себя, почему это должно было случиться? Значит, Бог так хотел, и Его воля исполнилась. Он всегда делал нам блага. Я признательна Ему за Его Божественную волю, направленную на меня, потому что я снова счастлива. Дорогой мой душка Саша, я все время думаю о тебе, день и ночь. Не проходит минуты, чтобы я не посылала к тебе мои мысли, чтобы они следовали за тобой повсюду. Ну когда же настанет день и мы вновь увидимся?»

Дагмар усиленно занималась русским языком, изучала ос-

новы русского православия. У нее были специальные уроки по русской истории, которую она очень любила, она быстро осваивала русскую лексику и овладевала трудностями русской грамматики. Ее учителем и наставником был известный богослов и писатель И.Л. Янышев – отец Иоанн, священник Русской православной церкви при русской миссии в Берлине, впоследствии – духовник царской семьи. Специально для Дагмар им была составлена записка «Об основных различиях православной и лютеранской церкви», которая сохранилась в российских архивах.

Первые ученические тетради юной Дагмар за 1864–1866 годы, сохранившиеся в российских архивах, показывают, на каких нравственных устоях шло формирование души юной принцессы, каковы были, по словам И.С. Аксакова, ее первые «душевные движения». Вот эти записи, сделанные рукою Дагмар на русском языке: «Где много счастья, часто много несчастья»; «Говори всегда правду»; «Кто думает в несчастье об удовольствии?»; «Жизнь человека подобна облакам, также переменчива, также проходима»; «Искренняя дружба принадлежит к самым редким явлениям в жизни»; «Благороднейшие люди не всегда счастливейшие»; «Богатство приятно, но здоровье приятнее всего»; «Обыкновенно тот, кто всегда молчит, умнее, чем тот, кто говорит всегда»; «Человек, снесивший много горя, богат опытом»; «Самые страшные враги человека суть часто его собственные страсти»; «Самый великий герой должен быть и самый благород-

ный человек»; «Долг каждого человека любить других людей»; «Не всегда думайте о себе, думайте чаще и о других»; «Добрый человек не говорит о других ничего худого»; «Враги не будут опасны нам, если не окажется изменников между нами»; «Сократ обычно говорил, что нет ничего прекрасного, где нет ничего доброго»; «Прилежный работник наполняет кладовые жилого дома богатыми дарами полей и помогает охотно бедным и несчастным, потому что вид несчастья огорчает доброе сердце прилежного человека»; «Любовь народа есть истинная слава государя».

В архиве Марии Федоровны сохранились и тетради с аккуратно написанными ее рукой отрывками из произведений великих русских классиков А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, А.В. Кольцова, И.А. Гончарова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.С. Никитина – писателей, которых позже она читала и перечитывала много раз.

Боже, царя храни!
Сильный, Германский,
Царствуй на славу нашу!
Царствуй на страху врагов,
Царь православный!

Гимн «Боже, царя храни», написанный рукой Дагмар на русском языке в ее ученических тетрадах по русскому языку

Копенгаген, 1865 год

Тетради по русской истории содержали краткие записи, сделанные Дагмар в форме вопросов и ответов по различным периодам истории России: «Из истории России от Рюрика до святого Владимира 862—1015 годов» и «От святого Владимира до Ивана Даниловича Калиты. 1015—1340». Несколько страниц, написанных также в форме вопросов и ответов, посвящены истории русской церкви: «Кто стоял во главе церкви в России? – Сначала митрополиты, потом патриархи, наконец, Святейший Синод. Долго ли русская церковь находилась под властью митрополитов? – Около трех-

сот шестидесяти лет (360) под властью одного Киевского митрополита (988—1352) и около двухсот сорока лет (240) под властью двух митрополитов (1352—1588) – Московского и Киевского. Сколько лет продолжалось патриаршее управление русской церковью? – Сто тридцать три года (1588—1722), в течение которых в России было десять патриархов. С какого времени существует в России ныне действующее синодальное управление? – Со времени Императора Петра Великого, который ввел коллегиальное управление не только в церкви, но и во всех отраслях русской жизни».

32

Учеб. История России
отъ Рюрика до св. Владимира.
862—1015^{го} года.

1) Какие племена въ дѣль вѣкъ населяли
или колонизовали пространство России?

Славянские пространство России
въ дѣль вѣкъ населяли кельты и автские
племена: Славяне, Литва, Финны и
Турецко-Татарские народы (казань
и Татары.)

2) Какъ назывались первые русскіе князья
отъ Рюрика до св. Владимира?

Рюрикъ и въ родно время съ нимъ
Аскольдъ и Диръ, Свенъ, Игоръ и св. Рюрикъ,

Зимнее утро в Петербурге
 В тумане дыша, слышишь разговоры,
 На бугры тумана звонятся;
 В клубы тумана идут люди,
 Ноги свои в тумане дружат.
 Прощай утро свое прощай;
Видишь там туман, туман туман;
Сидишь в тумане, в тумане,
 И дышишь, дышишь в тумане,
 Не бранишь туман, не бранишь
Улы свое свое свое.

А. Пушкин.

Из ученических тетрадей Дагмар Стихотворение
 А.С. Пушкина, написано рукой принцессы

Воспитательница
Томской губернии.

Образы. Прекрасная картина
русской жизни в провинции;
лучшие типы, самые
привлекательные черты
быта и нравственности.
Но характер евангельский
весь недостаток в
видении.

Страница из ученической тетради Дагмар по русскому языку и литературе, написано рукой принцессы

Россия ждала Дагмар, а Дагмар стремилась в Россию. Там был ее новый жених – великий князь Александр Александрович, там была и могила ее незабвенного Никсы, которого до конца дней она всегда будет вспоминать с любовью.

18 сентября 1865 года «Новгородские губернские ведомости» писали: «В зале Городской Думы выставлена великолепная модель памятника тысячелетию русского царства,

назначающаяся для поднесения в дар от новгородцев датской принцессе Дагмар, бывшей невесте в Бозе почившего нашего Государя Цесаревича. Замечательно сочувствие Руси к Ее Высочеству, счастливо выражающееся у новгородцев особым знаком. На днях случилось нам слышать от одного новгородского иеромонаха, бывшего ныне с балтийскою эскадрой в гаванях Копенгагена и Стокгольма, живой рассказ, подтверждающий нашу мысль и указывающий на продолжающееся благосклонное внимание Принцессы к русской национальности». Газета далее сообщала, что, когда Дагмар посетила русский корабль, стоявший в гавани, за завтраком были провозглашены тосты за здоровье императора русского и короля датского, а также великого князя Константина Николаевича и самой принцессы Дагмар. «Всякий поймет, — отмечала газета, — что теперь новгородцам особенно приятно видеть наглядное выражение своего сочувствия к Принцессе в назначенной для нее модели памятника, на котором предстанут перед Ее Величеством все наши замечательные деятели на поприщах духовном, государственном, военном, на поприще науки и искусства, в продолжение тысячи лет постепенно содействовавшие образованию и славе Русской Земли, которая так Ее теперь любит».

Когда весной 1866 года в Копенгаген прибыла американская делегация Густавуса Фокса и датская королевская семья получила приглашение посетить корабль «Миантономо», Дагмар оделась в платье цвета русского Андреевского

флага – в голубую и белую полоску. Этим ей хотелось показать свою связь с Россией. По мнению Фокса, Дагмар отличало нечто большее, чем обычная красота, «она прекрасно сложена, у нее правильный овал лица, блестящие каштановые волосы, а в ясных глазах принцессы светит ее ум. Она непринужденно поддерживала беседу и свободно говорила на английском, практически не делая ошибок».

Приезд принцессы Дагмар в Россию

Цесаревич Александр Александрович с нетерпением ждал приезда своей невесты в Россию. Он готовился к свадьбе, устраивал дом, в котором они должны были поселиться. Это был Аничков дворец, построенный еще в 1741 году. Здесь почти два столетия трудились самые видные архитекторы: Михаил Земцов, Франческо Бартоломео Растрелли, Иван Старов, Карл Росси, Андрей Иванович Штакеншнейдер. Расположенный в центре Северной столицы на Фонтанке, боковым фасадом он выходил на Невский проспект и был окружен тенистым парком. Рядом с дворцом находился знаменитый Аничков мост, украшенный конными статуями работы скульптора П.К. Клодта.

Готовя Аничков дворец к приезду Дагмар, великий князь Александр Александрович тщательно подбирал мебель, картины, формировал библиотеку. Два зала домашнего музея в Аничковом дворце украшала коллекция антиквариата. Ин-

терес к коллекционированию картин и других предметов искусства возник у цесаревича еще в юности. Любовь к искусству была привита ему матерью – императрицей Марией Александровной, которая была просвещенным человеком и глубоким ценителем искусства и древностей. От старшего брата в наследство он получил его коллекцию – девятнадцать картин, среди которых были известная картина Н.Н. Ге «Тайная вечеря», ряд полотен А.П. Боголюбова, пейзажи знаменитого И.К. Айвазовского.

1 сентября 1866 года в Датское королевство императором Александром II была направлена царская яхта «Штандарт» с представительной делегацией под командованием флигель-адъютанта, контр-адмирала графа А.Ф. Гейдена, которая должна была сопровождать в Россию датскую принцессу.



Аничков дворец, Санкт-Петербург Ксилография 1887

Родители Дагмар готовили дочь к отъезду, давали ей советы и напутствия, и хотя юной принцессе не хотелось покидать родной дом и родную Данию, она хорошо понимала, что Россия ждет ее. Теперь она уже была готова и к тому, чтобы изменить религию и перейти из лютеранской веры в православную, как этого требовали условия замужества. Ее первый жених Никса в те недолгие недели пребывания в Фреденсборге подготовил ее к этому, а священник И.Л. Янышев познакомил ее с основами православной веры и научил ее первым молитвам.

Дания трогательно простилась со своей маленькой принцессой. Огромное количество людей собралось на копенгагенской пристани, чтобы проводить в далекий путь принцессу. Среди них был знаменитый датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен, который позже в письме графине Мими Хольштейн так рассказывал об этом эпизоде:

«Вчера наша дорогая принцесса Дагмар прощалась с нами. За несколько дней до этого я был приглашен в королевскую семью и получил возможность сказать ей “до свидания”. Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слезы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская

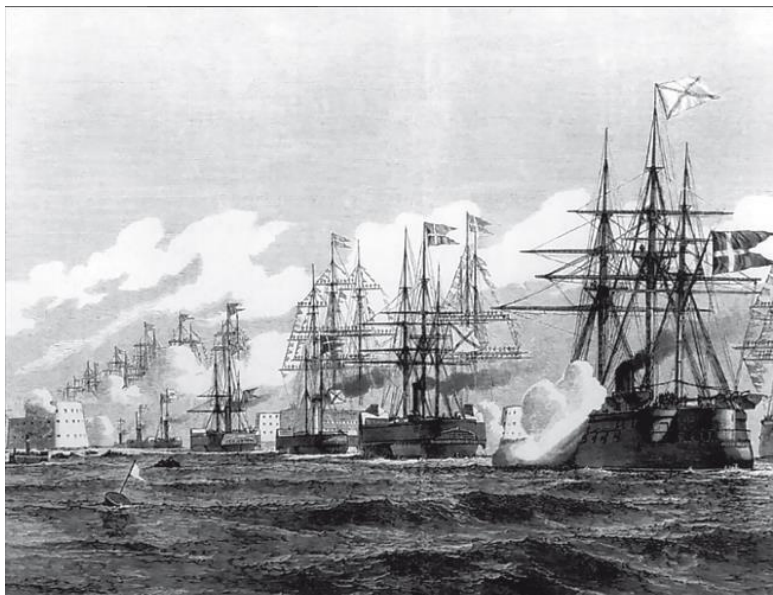
семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ, и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше».

22/10 сентября 1866 года Дагмар на королевском судне «Шлезвиг» покинула Данию. Сопровождал ее любимый брат Фредерик – Фреди, как называли его в семье. Он должен был пробыть в России несколько недель. В своем дневнике Дагмар коротко записала: «22 сентября в 12 ч. я простилась со своим Бернсторфом, домом моего дорогого детства».

Осенним утром 26 (14) сентября 1866 года Дагмар, полная надежд на радостную и счастливую жизнь, прибыла в Россию. Известный российский правовед, обер-прокурор Синода и преподаватель права цесаревича Александра и цесаревны Марии Федоровны К.П. Победоносцев в одном из своих писем отмечал: «...Ее (Дагмар – Ю.К.) давно ждал, чаял и знал народ, потому что ей предшествовала поэтическая легенда, соединенная с памятью усопшего цесаревича, и день и въезд были точно поэма, пережитая и воспетая всем народом...»

В этот день стояла удивительно теплая, скорее летняя погода – 20 градусов тепла. Чистое голубое небо и спокойная водная гладь залива – все создавало прекрасное настроение. Министр внутренних дел П.А. Валуев в своем дневнике описал этот знаменательный день: «Утром у обедни слышал гром пушечных салютов в честь приезда Дагмар. У нас три дня итальянское небо, итальянское солнце. Торжественное

вступление на русскую почву словно благословляется небом. Светло, тепло, кротко и мирно на небе и на земле. Да будет это предзнаменованием и да исполнится предзнаменование. Много слез на Руси, много скорби и грусти. Да будет Дагмар им утешительницей и миротворительницей...»



Фрегат «Петер Скрам» и королевский корабль «Шлезвиг» с датской принцессой Дагмар прибывает в Кронштадт 26 (14) сентября 1866 года

Прием в России был ошеломляющий. В Кронштадт для

встречи датской принцессы прибыли император Александр II, императрица Мария Александровна и все дети: Владимир, Алексей, Мария и цесаревич Александр. Торжественно выстроившаяся военная эскадра насчитывала двадцать судов. Под салют кораблей и орудий прибрежных фортов императорская яхта «Александрия» прибыла в Петергоф, а затем торжественный кортеж направился к Александровскому дворцу Царского Села. 17 сентября 1866 года состоялся торжественный въезд невесты цесаревича в столицу. Длинный кортеж в этот день двигался особенно медленно. Дагмар сидела в золоченой карете вместе с императрицей Марией Александровной. Всюду ликующие лица приветствовали императорскую семью, все кричали «ура!» и размахивали головными уборами. Слева от кареты следовал цесаревич. Въехав в столицу, торжественная процессия сделала остановку у Казанского собора, который являлся фамильным собором династии Романовых. Члены императорской семьи приложились к образу Казанской Божьей Матери, и затем процессия двинулась к Зимнему дворцу.

Зимний дворец. Дагмар никогда не видела столь великолепного и роскошного здания. Парадная лестница поразила ее воображение необыкновенной пышностью и красотой. Процессия торжественно проследовала в церковь, где через некоторое время состоялся молебен.

Граф С.Д. Шереметев в своих мемуарах рассказал, что, когда четырехместная карета подъезжала к Александровско-

му дворцу, все взоры обратились к той, чье имя облетело всю Россию: «Все взоры устремились по одному направлению. Принцесса Дагмар приветливо кланялась во все стороны и на всех производила чарующее впечатление».

Поэт Тютчев воспел в своих стихах «Дагмарину неделю»:

Теперь он молится о Ней,
О Ней, чью горесть испытанья
Поймет, измерит только Та,
Кто, освятив собой страданье,
Стояла, плача, у Креста.

Сама Дагмар в своем дневнике оставила подробную запись этого великого события своей жизни:

«Разные мысли пронеслись в моей голове и разные чувства овладели мною при виде приближающегося российского берега. Описание их заняло бы много места. Но когда я увидела императорское судно, приближающееся к “Шлезвигу”, я заставила грустные мысли и думы покинуть меня.

Через мгновение я была заключена в объятия дорогого Императора, который, как и я, не мог сдерживать слез. Я была страшно счастлива увидеть вновь моего любимого Сашу и снова ощутить ту неопишуемую радость, которую я испытывала, находясь рядом с ним. Владимир и Алексей также были там. Поприветствовав всех, я представила Императору главного гофмаршала, после чего попрощалась с моими

дорогими датчанами, офицерами и матросами, которые стояли, выстроившись в ряд.

Когда я прощалась с ними, все они так участливо и печально смотрели на меня, что мне вдвойне было тяжело покидать мой дорогой “Шлезвиг”. Я не могу описать, как тяжело было мне и как я пыталась скрыть те чувства, которые я испытывала, находясь на императорском судне и все дальше удаляясь от дорогого “Шлезвига”! Конечно, я была очень рада и счастлива вновь видеть всех! Через несколько минут мы поднимались уже на борт “Александрии”, где меня очень трогательно встретила дражайшая Императрица! Я увидела и моего любимого дядю Георга, первый раз со времени встречи с ним в Ницце! Он так хорошо понимал мои мысли и все, что происходило в моем сердце! В такие минуты сразу ощущаешь сильное доверие к тем, кто разделяет твои чувства! После приветствия всех дам и господ, с которыми я была знакома с прошлого года, я села рядом с дорогой Императрицей и мы начали разговаривать, пока к нам не подошел Император и не предложил мне прогуляться на смотровую площадку, откуда открывался прекрасный вид. Пароход, наполненный людьми, подошел достаточно близко к нам, люди кричали “Ура!” в нашу честь, и я махала им в ответ, приветствуя и благодаря за такие дружеские и сердечные приветствия. Отсюда сверху все казалось таким спокойным.

Проплыв достаточное количество времени по реке,

вид которой был совершенно бесподобен, мы наконец прибыли в Петергоф. Здесь на пристани нас встречала огромная толпа людей. Совершенно незабываемо, с какой сердечностью они встретили меня! В тот момент я чувствовала себя так, как будто я вовсе не была им чужая, и казалось, что и они испытали те же чувства по отношению ко мне, потому что они приняли меня как будто я была им своя! Я не могу описать то, что происходило у меня в душе, когда я впервые ступила на русскую землю. Я была так взволнована этим и более чем когда-либо думала о моем усопшем ангеле (цесаревиче Николае Александровиче – Ю.К) и очень отчетливо чувствовала, что он в тот момент был рядом со мною.

Итак, мы покинули корабль и, держась под руку с Императором, прошли сквозь колонны людей, стоявших справа и слева. Люди кланялись, глядя в сторону нашего экипажа, который повез нас к маленькой церкви, где был совершенно поразительный молебен и где в последний раз я была названа Дагмар. Сразу после этого мы направились в дорогой “Терем”, где Фреды и я телеграфировали милым родителям о своем счастливом прибытии. Затем со всей семьей победали на балконе, и через некоторое время мы с Императрицей и большим эскортом направились в Царское Село. Мы ехали очень быстро в течение полутора часов – почти карьером через болотистую местность без единого дерева и прибыли наконец на железнодорожную станцию Царского Села почти

одновременно с Императором и остальными. Здесь я была представлена всей семье и Евгении, знакомства с которой ждала с нетерпением.

Мне пришлось надеть новую розовую шляпку, потому что дорогая Скариатине сказала мне, что я должна быть одета в дорожный костюм и круглую шляпу. После того как мне пришлось надевать шляпу при большом количестве людей, о чем я внутри себя досадовала, мы с Императрицей поднялись в свой экипаж. Император и сопровождающие его лица находились неподалеку от нас по дороге во дворец, когда мы двигались между двумя плотными шеренгами полков, стоявших по стойке смирно вдоль всего парка. Сразу по прибытии мы отправились в церковь, где старый священник встретил меня небольшой приветственной речью на немецком языке. Затем, после молитвы, Императрица провела меня через несколько залов в мои покои, в которых находилось много дам, которым она меня бегло представила, после чего вся семья разошлась, чтобы вновь встретиться за ужином. Следует заметить, что мой костюм не остался незамеченным и привлек всеобщее внимание. В спальне меня встретила госпожа Флотов (фон Флотов Мария Петровна – камер-фрау цесаревны, а затем императрицы Марии Федоровны – Ю.К.), с которой я уже была знакома через Мама, и которая теперь была назначена моей придворной дамой. С ней я могла говорить по-датски, и поэтому она не казалась мне чужой. Но там была еще одна русская дама,

назначенная быть моей второй придворной дамой и хотевшая немедленно начать переодевание к ужину. Я поблагодарила ее, поинтересовавшись, не пришла ли Софи. И когда, наконец, часы пробили 5.30 вечера и я должна была отправляться к ужину, эта дама внезапно появилась. Я ужасно спешила, и меня сильно огорчило, что милая госпожа Флотов в очках, приспущенных на нос, все время стояла и пристально смотрела на меня в то время, пока я делала прическу и одевалась, но несимпатичная незнакомая дама должна была чувствовать, как неприятно мне было иметь рядом с собой совершенно незнакомых людей! Зачем они нужны были мне тогда, Бог знает! Ну, наконец, я собралась! На мне было новое платье, которое мне подарила Императрица.

В моей гостиной уже сидели Император, Саша и все его братья, которые ждали меня в течение некоторого времени. И вот мы отправились к ужину, который был накрыт в китайской гостиной, где уже собралась вся семья. Я сидела между Императором и моим дорогим Сашей. После трапезы мы еще немного поговорили, и затем Саша, Фреди, Владимир и Алексей проводили меня в мои покои. Саша пробыл у меня до восьми часов, после чего вся семья отправилась смотреть фейерверк. Мы с Сашей сидели впереди и поэтому могли, не стесняясь, разговаривать друг с другом. По возвращении домой мы выпили чаю и пожелали друг другу спокойной ночи.

Затем я легла в постель и поблагодарила Господа за

столь хорошо осуществившееся путешествие, попросив Благословения на дальнейшее, и скоро погрузилась в сон».

12 октября 1866 года в церкви Зимнего дворца состоялось миропомазание Дагмар. Датская принцесса приняла православие и получила имя Мария Федоровна.

Все предыдущие недели императрица Мария Александровна вместе с цесаревичем помогала Дагмар правильно произносить молитвы, показывала, как нужно подходить к иконам и молиться. Одну из первых молитв, которую Дагмар выучила в Дании и написала без ошибок на русском языке в письме цесаревичу Николаю Александровичу (осенью 1864 года) в Ниццу, она неоднократно повторяла в эти дни и с нежностью вспоминала своего «усопшего ангела».

Присутствовавший на миропомазании Дагмар министр внутренних дел П.А. Валуев, всегда отличавшийся необыкновенной наблюдательностью, записал в своем дневнике: «Мария-Дагмар – неразгаданная загадка. Ее осанка и все приемы во время обряда были безукоризненными. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершающееся только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в ее чертах».

В течение этих двух часов Дагмар с удивлением и восхищением знакомилась с той Россией, которая теперь должна была стать ее второй родиной; с любовью разглядывала она русских людей, которым отныне должна была служить и ко-

торых должна была любить, ибо в будущем они должны были стать ее подданными. В сентябре 1864 года после помолвки с цесаревичем Александром Александровичем Дагмар написала в письме к Александру II: «Я прошу Господа, чтобы он всегда был рядом при выполнении моих обязанностей и чтобы я стала достойной той любви к моей новой Родине, которую я уже нежно люблю». Сейчас она испытывала именно эти чувства.

По свидетельству современников, русское общественное мнение с большой симпатией и интересом отнеслось к наследнику престола и его невесте. Архивы сохранили письмо известного русского писателя Ивана Сергеевича Аксакова к Кохановской, датированное 1866 годом. В нем говорилось: «Образ Дагмары, 16-летней девочки, соединяющей в себе нежность и энергию, выступал особенно грациозно и симпатично. Она решительно всех пленяла детской простотой сердца и естественностью всех своих душевных движений». По словам И.С. Аксакова, Дагмар «объявила Янышеву (священнику, учившему ее Закону Божьему), что не намерена отступить от раз принятого решения стать православной. Родители ее объявили, что не будут стеснять ее убеждений».

Известный публицист М.Н. Катков, редактор влиятельной газеты «Московские новости», на страницах газеты также выразил те мнения и настроения, которые царили в России, когда Дагмар осенью 1866 года приехала в Россию и была

принята здесь со всей сердечностью. Он писал: «Есть что-то невыразимо симпатическое, что-то глубоко знаменательное в судьбе юной принцессы, которую узнал, полюбил и усвоил себе русский народ в то самое время, когда вместе с нею оплакивал безвременную кончину равно дорогой и для нее, и для него, едва расцветшей жизни. И в эту минуту, когда она казалась навсегда утраченной для России, Россия не хотела этому верить. Все были убеждены, что она будет возвращена тому предназначению, которое суждено ей Провидением. Она была наша, когда казалась утраченной для нас; она не могла отречься от нашей веры, которая уже открыла для нее свое лоно; она не могла отказаться от страны, которую уже признала своим вторым отечеством. Образ юноши на мгновение, как бы в благодарном сновидении, представший ей возвестить предназначенную ей судьбу, останется навсегда святой поэзией ее жизни, как навсегда останется этот юный образ в воспоминаниях страны, для которой он также явился на мгновение».

Великий князь Александр Александрович вместе с Дагмар в первый же день пришли к памятнику Никсы, установленному в Царскосельском парке. Скульптурное изображение очень точно передавало черты так рано ушедшего из жизни цесаревича Николая. И Александр, и Дагмар были очень взволнованы, у обоих в глазах стояли слезы. Взаимные душевные чувства к умершему объединили их навсегда.

17 августа 1871 года на набережной Большой Невки

в Санкт-Петербурге произошло торжественное освящение церкви Святителя Николая Чудотворца, воздвигнутой в память великого князя Николая Александровича. Храм был построен по проекту Александра Кракау. Деньги на возведение храма были собраны по всей России. В оформлении интерьеров принимали участие известные мастера, в том числе профессор Павел Плешанов – им были написаны образы для иконостаса. На освящении церкви присутствовали члены императорской семьи, наследник Александр Александрович, великая княгиня Мария Федоровна. В 30-е годы XX века храм был уничтожен.

На всю жизнь Никса остался для них лучом, который ярко осветил их жизнь, и они вспоминали его всегда с большой теплотой и любовью, а в памятный день его смерти молились за него у его могилы. Когда же были в разлуке, как, например, в годы Русско-турецкой войны 1877–1879 годов, в письмах друг другу они сообщали о своих мыслях и молитвах, обращенных к Господу в память великого князя Николая Александровича. «Все мои мысли, – писала цесаревна мужу 12 апреля 1877 года из Петербурга, – были с тобой в память о нашем обожаемом Никсе! Я так грущу, что в такой день, как этот, нахожусь не с тобой и что мне надо одной идти молиться у его дорогой могилы».

В тот же день в письме к жене из Болгарии с русско-турецкого фронта цесаревич сообщал: «...В 12 часов вернулись домой: были на панихиде по милому Никсе и молились го-

рячо за него. Он тоже, наверное, молится горячо теперь за милую Россию и за нас всех. Уже 12 лет прошло со дня его смерти, а все кажется, что это было еще так недавно!»

Бракосочетание великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмар

28 октября (9 ноября) 1866 года состоялось торжественное бракосочетание великого князя Александра Александровича и великой княжны Марии Федоровны. В восемь часов утра со стороны Петропавловской крепости прогремели пять пушечных выстрелов, возвещавших об этом знаменательном событии в истории России. К двенадцати часам дня в Зимний дворец съехались члены Святейшего синода и придворное духовенство, члены Государственного совета, сенаторы, статс-дамы, камер-фрейлины, гофмейстерины, фрейлины, придворные чины и кавалеры, чужестранные послы и посланники, генералы армии и флота.

Пушечные залпы Петропавловской крепости извещали о начале высочайшего выхода в Зимнем дворце. Шествие возглавляли император Александр II и императрица Мария Александровна. За ними шли цесаревич Александр Александрович и великая княжна Мария Федоровна. На голове ее красовалась малая бриллиантовая корона. Она была одета в сарафан из серебряной парчи, на плечах – подбитая гор-

ностаем бархатная малиновая мантия с длинным шлейфом, который несли камергеры и гофмаршал двора.

При входе в собор их величества и их высочества были встречены митрополитом Святейшего синода Исидором, членами Синода и придворным духовником с крестом и святой водой. Великолепная певческая придворная капелла запела псалом «Господи, силою Твоею возвеселится Царь».

Александр II взял за руки обрученных и подвел их к алтарю. Началось таинство бракосочетания, которое совершал протопресвитер В.Г. Бажанов. Братья цесаревича Владимир и Алексей держали венец над головой цесаревича, а наследный датский принц Фредерик и принц Николай Лейхтенбергский – над головой Марии Федоровны. После прочтения Евангелия протодиакон торжественно провозгласил: «О благоверном Государе наследнике Цесаревиче, великом князе Александре Александровиче и его супруге, благоверной государыне Цесаревне великой княгине Марии Федоровны».

По совершении венчания высокосочетавшиеся принесли благодарение их императорским величествам, государю императору и государыне императрице. Митрополит с членами Святейшего синода и придворное духовенство совершили благодарственный молебен с коленопреклонением и пением «Тебя Бога хвалим». В это время в Петропавловской крепости был произведен сто один пушечный выстрел.

На бракосочетании присутствовали многочисленные гости: вся императорская семья и пять наследных принцев ко-

ролевских семей Европы – датский, уэльский, прусский, гессенский и веймарский.



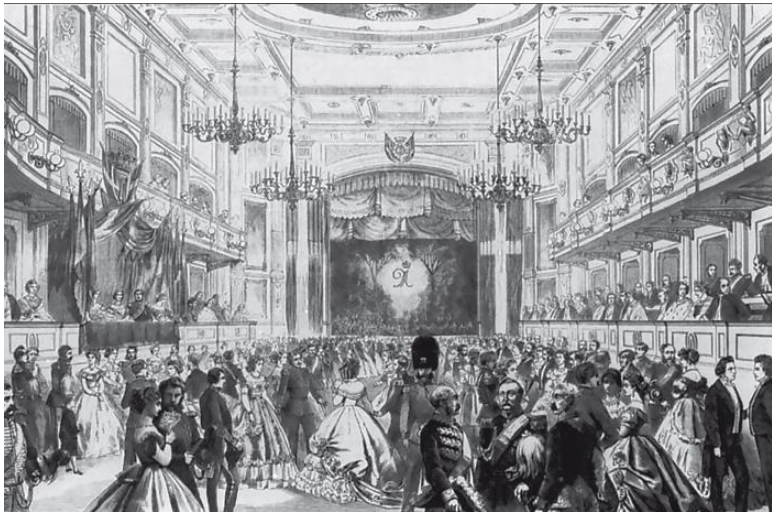
М.А. Зичи

Бракосочетание великого князя Александра Александровича и принцессы Дагмар

В пять часов вечера в Николаевском зале Зимнего дворца состоялся парадный обед с музыкой и пением, на котором молодые принимали поздравления многочисленных гостей и представителей дипломатического корпуса. Во время обеда в Петропавловской крепости за здоровье их императорских величеств был произведен 51 выстрел; за здоровье высокопоставленных – 31 выстрел, за здоровье всего Императорского

дома – 31 выстрел, за здоровье их королевских величеств датского короля и королевы – 31 выстрел, за здоровье духовных и верноподданных – 31 выстрел. Вечером в Георгиевском зале Зимнего дворца был праздничный бал. Молодожены вскоре вернулись в Аничков дворец, где был накрыт ужин для членов царской семьи. Здесь они получили благословение родителей.

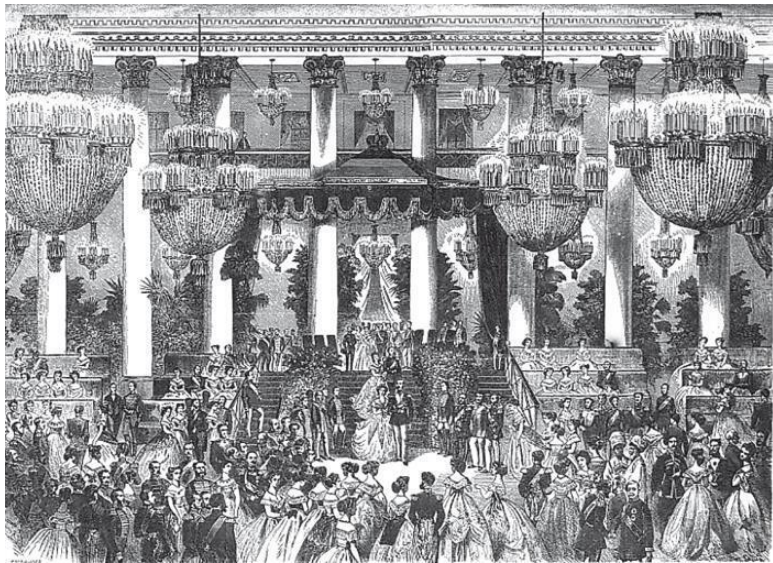
Торжественный прием по случаю бракосочетания цесаревича Александра Александровича и цесаревны Марии Федоровны был устроен в тот же день королем Кристианом IX и королевой Луизой в Копенгагенском дворце Кристиансбург, а вечером в театре Казино состоялся большой бал, который продолжался до поздней ночи. Копенгаген праздновал свадьбу своей принцессы. Салютовали пушки, в небе взрывались фейерверки.



Торжественный бал 9 ноября 1866 года в Копенгагене в казино-театре по случаю бракосочетания датской принцессы Дагмар и цесаревича Александра Александровича

Предсвадебную неделю цесаревич Александр переносил с трудом. Он не любил все показное, балы, иллюминацию, фейерверки. Граф Шереметев так описывает эти дни накануне свадьбы: «Вообще в роли жениха цесаревич, по-видимому, был невозможен, по крайней мере, до меня доходили отзывы находивших его поведение крайне неудобным. Он показывался на публике по обязанности, у него было отвращение ко всем иллюминациям и фейерверкам, ко всему показ-

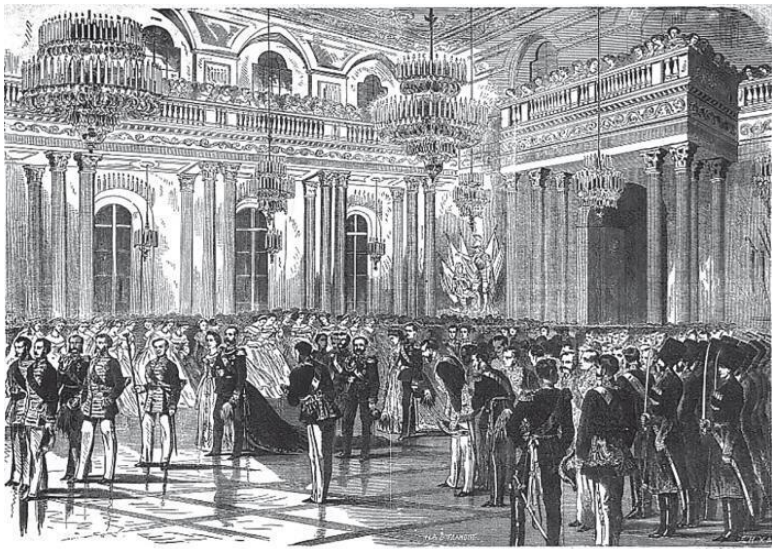
ному и деланному. Он, не стесняясь, делал все по-своему и вызывал нетерпеливое неудовольствие родителей. В публике стали еще более жалеть невесту, лишившуюся изящного и даровитого жениха и вынужденную “без любви” перейти к другому – человеку грубому, неотесанному, плохо говорившему по-французски и в корне враждебному всем преданиям Готского календаря. Таков был господствовавший в придворных кругах отзыв...»



Н. Богданов

Бал в Дворянском собрании по случаю бракосочетания великого князя Александра Александровича и

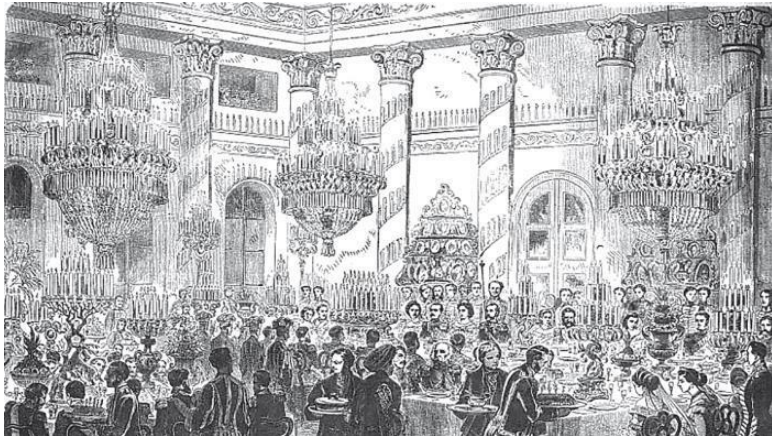
великой княгини Марии Федоровны



Н. Богданов

Шествие после обручения

В первой паре – император Александр II и императрица Мария Александровна. Во второй паре – цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна



Н. Богданов Свадебное пиршество

В центре слева: император Александр II и императрица Мария Александровна, справа – цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна

Накануне всех этих праздничных церемоний цесаревич со всей откровенностью выразил в дневнике свое настроение: «Я теперь нахожусь в самом дурном настроении духа в преддверии всех несносных праздников и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения. Господи, как я буду рад, когда все кончится и наконец можно будет вздохнуть спокойно и сказать себе: теперь главный шаг в жизни сделан...»

28 октября 1866 года, в день бракосочетания цесаревичи-

ча, император Александр II подписал рескрипт о назначении Александра Александровича членом Государственного совета.

По случаю бракосочетания супруги получали отовсюду большое количество приветственных адресов и посвящений. Для Марии Федоровны особенно радостны были поздравления из родной Дании. Стихи известных датских поэтов, в том числе Оленшлегера, Эвальда и любимого ею Андерсена, приветствия от самых разных людей из Дании в этот день были направлены в Санкт-Петербург. Многие из них сохранились в российских архивах.

Глава третья

Цесаревич и цесаревна

Семейное счастье

После свадьбы новобрачные поселились в Аничковом дворце, который быстро начал менять свой облик. Жизнь вошла в свою колею. Время цесаревича и цесаревны было заполнено регулярными занятиями. «По понедельникам и субботам, – писал К. Победоносцев А. Аксакову, – бываю у цесаревны – она очень добра и проста по натуре. Я читаю и говорю с нею по-русски».

Из дневников великого князя Александра Александровича: «В ½ 10 пришел ко мне Победоносцев и, наконец, снова начал свои занятия. Я уже начинал скучать бездельем, хотя до сих пор, право, немного было у меня свободного времени, такое глупое и бестолковое житье было в эти недели. Почти все время прошло между глупейшими балами, парадами и разводами. У меня и у жены занятия начинаются в 10 и до ½ 5. В 1 час мы завтракали, потом кто-нибудь всегда приезжает. В 2 ч. меня не бывает дома. Мы едем кататься или играть, но надо ловить время, когда Мама приезжает домой. Обедает около ½ 5, иногда бывают гости, остаются до 8 дома...»

Протопресвитер Иван (Иоанн) Леонтьевич Янышев про-

должал начатое в Дании знакомство Дагмар с нормами православия. Она уже хорошо писала по-русски, переписывала и выучивала наизусть молитвы. В архивах сохранились учебные тетради по истории, литературе и русскому языку, в которых рукой юной Дагмар были написаны отрывки из поэм и стихотворения любимых поэтов и писателей цесаревича и цесаревны: Пушкина и Лермонтова, Жуковского, Кольцова, Фета, Майкова; Гоголя, Лескова, Тургенева, Никитина и других.

Императрица Мария Александровна помогала Дагмар овладеть основами православной обрядности, учила с ней русские молитвы и вместе молилась перед иконами в маленькой домово́й церкви. Дагмар было нелегко в новой, еще мало знакомой обстановке. Граф С.Д. Шереметев писал, что императрица Мария Александровна относилась к Дагмар сдержанно, словно подчеркивая измену своему любимцу, она охлаждала порывы ее любезности. «Держитесь на своем месте. Вы еще не императрица», – часто говорила она.

В ноябре Дагмар отпраздновала в России свой день рождения. Было много подарков, были первые балы, на которых молодая цесаревна блистательно танцевала, в то время как цесаревич, не любивший танцев, мечтал о скорейшем окончании бала. «Минни веселилась очень и все время, не останавливаясь, танцевала, – писал он в своем дневнике. – Ужинать пошли только в $\frac{1}{2}$ 2. Потом снова начали танцевать и даже английский танец. Мне было страшно скучно, я не знал,

куда деваться. Минни была как сумасшедшая. Я был очень уставшим и не в духе. Даже не хотел проститься с Минни, так дулся на нее. Я долго еще был не в духе, но, наконец, мне стало жаль ее, и мы окончательно помирились и заснули».

Но Александр Александрович был влюблен в свою Минни. «Часто я думал, – написал он в своем дневнике 27 ноября (9 декабря) 1866 года, – что я не достоин ее, но если это и правда, то постараюсь быть достоин ее. Часто я думал тоже, как все это случилось. Как я наследовал от моего брата и престол и такую жену, как Минни, которую он любил, еще не зная ее, и о которой я тогда и не думал, и уже в голову не приходило, что она будет когда-нибудь моей женой. Вот это значит Божья Воля! Человек думает одно, и Бог совершенно иначе располагает нами».

Весной 1867 года цесаревич и цесаревна посетили первопрестольную столицу – Москву. Здесь все русские цари венчались на царство, и Марии Федоровне было интересно познакомиться со святыми местами древней русской столицы. Цесаревич любил Москву, ее многочисленные купола, их малиновый звон, весь русский дух, царивший здесь.

Августейшая пара остановилась сначала в Петровском дворце, а 21 апреля состоялся торжественный въезд в Москву. «Москва вслед за Северной столицей возликовала при виде молодой четы, – писал в своих мемуарах граф С.Д. Шереметев – Все сердца неслись к молодой цесаревне. Она появилась как солнечный луч, а с нею рядом, словно все еще в

тени своего брата, добродушно, спокойно, но твердо выступил тот, о котором принято было говорить со слов умирающего брата, что у него “хрустальная душа”».



И.Е. Репин

**Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве
1886**

Известный дипломат, публицист и историк С.С. Татищев писал: «Характерной особенностью нравственного склада Александра Александровича было врожденное чувство справедливости. Сказалось оно уже с младенческих годов

необыкновенно ярко при всех случаях и его суждениях и поступках. С тем, что почему-либо представлялось ему несправедливым, он никак не мог примириться. Всякая несправедливость глубоко возмущала его, и он давал выражение этому чувству с энергиею и настойчивостью, удивительными в ребенке его лет».

Честность и благородство природы великого князя Александра Александровича отмечали также многие его современники, придворные разного ранга и просто приближенные. Граф С.Д. Шереметев писал: «Отличительной стороной цесаревича была правда и истинное благородство, проявленное им не раз в самых щекотливых положениях, и он скорбел о том, когда люди с чистым именем отклонялись от добрых преданий своей семьи, своего рода. Он не выносил хамья в своем окружении, ненавидел лесть, и взгляд его был неотразим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.